ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 20 сентября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 51 (687)

Активно помочь братским литературам

Ярко и пышно цветут национальные по форме, социалистические по содержанию культуры народов Советского Союза. Раскрепощенные Великой Пролетарской революцией народы СССР овладевают лучшими ценностями культурного наследства и строят новую социалистическую культуру. Это — подлинно народная культура, проникнутая великими идеями социализма, полная пафоса борьбы с капиталистическим строем, свободная от поповщины, зоологического шовинизма и национализма. Социалистический гуманизм, боевой интернационализм, всем своим острием направленный против сил международной реакции, против фашизма, великолепная смелость и настойчивость в постановке и решении огромных культурных проблем, имеющих международное значение, — вот что характеризует культуру советских народов.

В области искусства особенно поразителен расцвет народного творчества во всех его формах. Превосходные хоровые, музыкальные и танцовальные ансамбли, вдохновенные народные поэты-певцы, одаренные художники, составляющие кадры самодеятельного изоискусства, чудесные сказители, творцы и хранители народного фольклора, — всем этим красочным многообразием народного творчества по праву гордится каждая республика Советского Союза. И в каждой из них заботливо поддерживаются и развиваются ценные очаги профессионального искусства — оперные и драматические театры, театральные, музыкальные и художественные школы, издательства художественной литературы, кинофабрики, изомастерские.

В художественной литературе народов СССР, гордящейся успехами своих зрелых мастеров, растет и талантливая молодая смена прозаиков, поэтов, драматургов. Ежегодно книжная полка советского читателя обогащается несколькими талантливыми книгами, в которых правдиво отражена социалистическая действительность, которые воспитывают и организуют сознание социалистического человека.

Наши успехи в деле строительства социалистической культуры, искусства, литературы вызывают бешеную злобу врагов социалистического народа. Троцкистские и бухаринские выродки, подлые буржуазные националисты, проникая вследствие ослабления нашей бдительности на идеологический фронт, пытаются и здесь вредить и гадить, пытаются и здесь помешать нашему движению вперед. Многочисленные факты из жизни писательских организаций свидетельствуют, что враги особенно стремились разложить и дезорганизовать ряды советских литераторов.

Известны факты подрывной работы авербаховской троцкистской агентуры в московской, ленинградской, свердловской, смоленской организациях ССП, факты засоренности писательских организаций враждебными и чуждыми элементами. Здесь враги народа сколачивали свои группки, создавали опорные пункты своей гнусной вредительской деятельности.

Буржуазные националисты и их покровители всеми средствами пытались разложить писательскую организацию Узбекистана. Фашистские приспешники Усманов и Берегин, разоблаченные недавно «Правдой», тесно сомкнувшись с отявленными врагами узбекского народа, прожженными контрреволюционными «генералами» от пантюркизма Фитратом, Чолпаном, Кадыри, зажимая самокритику в ССП и нагло попирая внутрисоюзную демократию, стремились развратить и разложить узбекских писателей, подчинить своему влиянию писательскую молодежь. Поддерживаемые всячески маскировавшимися врагами, всеми этими Насырами, Эльбеками, Анкабаями, Хашимовыми, Саидовыми, подхалимски восхваляемые «критиками», вроде Уйгуна, У. Исмаилова, Айбека и др., буржуазные националисты проповедывали свои контрреволюционные «теории», расставляли «своих людей» в издательствах, редакциях, расхищали средства союза, насаждали богемщину, пьянство и моральное разложение. Секретари союза Айдын и Шамс, писатель-комсомолец Яшен всячески угождали Берегину и Усманову, не смея им ни в чем противоречить. Только на последнем пленуме правления ССП Узбекистана, благодаря статьям «Правды», буржуазные националисты были разоблачены.

Надо сказать, что правление ССП СССР уже давно имело сигналы о явном неблагополучии в ССП Узбекистана, но не придало им должного значения, прислушиваясь к «информации» бывшего председателя ССП Узбекистана Маджиди, фактически являвшегося «полпредом» Усманова и Берегина в Москве.

Чрезвычайная конференция ССП Узбекистана и новое правление союза должны решительно очистить организацию от буржуазных националистов, шпионов и врагов народа и энергично взяться за ликвидацию последствий гнусного вредительства. Надо разоблачить до конца контрреволюционную сущность «теорий» пантюркистов в вопросах литературоведения и языка, «теорий», дезориентировавших писателей и направлявших их по неправильному пути; надо до конца разгромить группки буржуазных националистов в Институте литературы и языка, союзе писателей, Радиокомитете, театре им. Хамза и т. п.

Выводы из фактов гнусной подрывной деятельности фашистских наймитов в ССП Узбекистана должны сделать все писательские организации. Надо понять, что плодотворная творческая работа писателей невозможна без решительного очищения союза от всех чуждых и враждебных элементов. Ведь не случайно творческая жизнь узбекских писателей находилась на чрезвычайно низком уровне, секции союза бездействовали, вопросами творческой учебы и роста молодежи никто не занимался. Позорный факт — до сих пор ничего не сделано для того, чтобы к 750-летию со дня рождения Руставели трудящиеся Узбекистана получили перевод хотя бы нескольких отрывков из «Витязя в тигровой шкуре».

Напечатанные в «Правде» и в нашей газете материалы о подрывной работе буржуазных националистов в писательских организациях Карелии, Бурято-Монголии, Киргизии, Калмыкии, Украины, Белоруссии свидетельствуют о том, что враг наглеет всюду, где он имеет «высоких» покровителей, где ему не дают должного отпора, где на борьбу с ним не мобилизованы массы. Враги всеми мерами тормозят рост и выдвижение молодых кадров литературы, охаивают честных советских писателей, превозносят и выдвигают «своих людей». Изгнание из рядов союза буржуазных националистов и их пособников типа Галушко (Харьков), Александровича (Минск), троцкистско-авербаховских последышей, вроде Киршона и Афиногенова, — важнейшая предпосылка роста кадров талантливой молодежи и оздоровления всей работы писательских организаций.

Правление ССП СССР должно активно направлять эту работу и руководить ею. Нельзя ограничиваться посылкой на места второстепенных работников аппарата правления, выполняющих с грехом пополам лишь функции «информаторов» правления. Весьма полезные сами по себе, поездки групп квалифицированных писателей для творческой взаимосвязи не могут заменить поездок руководящих работников всесоюзного правления для помощи и руководства политической работой писательских организаций. А такие мероприятия — редчайшее явление. Аппарат правления ССП не имеет систематической связи с местными организациями и часто превращается лишь в пассивного регистратора событий, не выполняя своих функций всесоюзного центра писательских организаций. Активная помощь организациям ССП в деле разгрома фашистской агентуры, проникающей в писательские ряды, — важнейшая задача всесоюзного правления.

На выполнение ее нужно мобилизовать весь писательский актив. Представители правления ССП должны способствовать развертыванию подлинной самокритики в писательских организациях, разоблачению и изгнанию врагов. Именно это, а не парадные пленумы и общие декларации, обеспечит дальнейший под'ем и рост литературы советских народов.

В союзе писателей Киргизии

ФРУНЗЕ. (От нашего корреспондента). Собрание писателей Киргизии, обсудив деятельность союза (см. «Л. Г.» № 50 от 15 сентября 1937 г.), постановило: распустить правление ССП Киргизии за бездеятельность и притупление политической бдительности; снять председателя союза Алы Токомбаева.

Создан оргкомитет, которому поручена подготовка с'езда киргизских писателей.

Дневник «Литературной газеты»

Близятся дни выборов в Верховный Совет СССР. Это будут выборы в полном смысле слова **всенародные, всеобщие,** на основе великой Сталинской Конституции, последовательно реализующей принципы социалистической демократии.

Всем известен тот огромный, небывалый, с каждым днем возрастающий интерес, который проявляет советский народ к новому избирательному закону. Навстречу этому интересу идут тысячи пропагандистов и агитаторов, старающихся в живой форме раскрыть содержание нового избирательного закона. Навстречу этому интересу идет могучая большевистская печать, ведущая широкую раз'яснительную работу среди трудящихся масс.

Известно, что некоторые пропагандисты и агитаторы слишком узко понимают свои задачи, ограничиваются сухими комментариями к каждому параграфу «Положения о выборах», порой за частностями не видят общего: они не в состоянии дать живую картину нашей действительности в ее основных моментах, в тех ее особенностях, которые так резко отделяют ее от буржуазной действительности.

Не приходится сомневаться в том, что в этом отношении могла бы сыграть далеко не последнюю роль советская литературно-художественная общественность. Но, увы, здесь мы констатируем неприглядную картину. Писатели и поэты, сатирики и карикатуристы, авторы малых форм и фельетонисты словно воды в рот набрали. Они как бы самоотстранились от той огромной кипучей работы, которая всюду ведется в стране накануне выборов в Верховный Совет, они с непостижимым упорством уходят от того обилия тем, которые предоставляет к их услугам такая важная полоса в истории нашей социалистической родины.

Можно ли себе представить, чтобы Владимиру Маяковскому, будь он жив, изменил в эти дни пафос великого трибуна революции, чтобы он не нашел пламенных слов, воспевающих величие Сталинской Конституции, не воспользовался случаем нанести еще несколько могучих, сокрушительных ударов по лицемерному законодательству буржуазии, противопоставляя ему законодательство социалистического государства, чтобы он не обрушился со всей своей гигантской силой на врагов, пытающихся использовать советскую демократию в своих подлых вредительских целях?

А вот поэты, часто клянущиеся именем Маяковского, горделиво утверждающие, что они продолжают традиции Маяковского, на всех диспутах присягающие в верности принципам политической поэзии, молчат!

Мы полагаем, что эта тема заслуживает специального обсуждения в секциях поэтов и драматургов (ведь последняя об'единяет и авторов малых форм). Весь актив этих секций должен быть срочно мобилизован на неотложную массово-политическую работу. Частушка, монтаж, песня, фельетон, стихотворный лозунг, агитационный плакат — все это должно притти на помощь пропагандистам и агитаторам, раз'ясняющим новый избирательный закон, все это должно зазвучать на страницах печати, на эстраде, в радио, в лучших спектаклях и т. д.

Избирательный закон должен быть усвоен миллионными массами трудящихся города и деревни. Нужно в самой доступной, интересной, наглядной форме дать им представление о стоящих перед ними задачах, о наших достижениях, о пройденном пути; нужно укрепить в них чувство советского патриотизма, вооружить их политической бдительностью, ненавистью к врагам, готовящимся напасть на нашу родину и использующим с этой целью свою троцкистско-бухаринскую агентуру. Нужно воспитать в нашей молодежи волю к борьбе за советскую законность, за торжество правил социалистического общежития, против бюрократов, бездушных чиновников, карьеристов, против пережитков капитализма в сознании людей.

К сожалению, и само руководство ССП не проявляет должного внимания к вопросам, поставленным на очередь дня приближающимися выборами. В союзе писателей царит тишь да гладь... Там, очевидно, решили, что писателей тревожить не стоит, что не следует отнимать у них досуг политической работой, созданием среди них кружков по изучению избирательного закона. Ведь писатели, надо полагать, народ грамотный, сами газеты и журналы читают, сами разберутся во всех тонкостях закона и сами же додумаются до мысли о необходимости помочь пропагандистам и избирателям средствами искусства.

Нужно ли доказывать всю порочность такой точки зрения? Только явной недооценкой массово-политической работы среди писателей можно об'яснить явное отставание большинства писательских организаций, в том числе и московской, в деле огромной политической важности. Гораздо легче, конечно, неустанно декларировать на писательских с'ездах и пленумах о необходимости вести политико-воспитательную работу на литературном фронте. Но весь запал, всю горячность как рукой снимает, когда от декларации нужно перейти к делу.

Следует ли после этого удивляться тому обстоятельству, что голос «инженера человеческих душ» почти совсем не слышен в дни, когда вся страна готовится к выборам?

Подготовка к выборам в Верховный Совет

Соревнование заводских и городских библиотек

Готовясь к XX годовщине Великой Пролетарской революции и к выборам в Верховный Совет, **библиотека Автозавода имени Сталина заключила договор на социалистическое соревнование с библиотекой горьковского Автозавода имени Молотова.**

По этому договору библиотека завода имени Сталина обязалась, увеличив число своих читателей, организовать выставки литературы классиков марксизма и ленинизма и литературных материалов к выборам в Верховный Совет.

Библиотека взяла на себя обязательство помочь новым кадрам читателей в подборе книг и изучении литературы.

Организован новый филиал библиотеки в большом заводском поселке Коломенское. Такое же отделение намечено организовать и в поселке Ново-Угрешское.

Специальный филиал библиотеки будет обслуживать общезаводскую школу взрослых. Библиотека значительно пополняет свои книжные фонды. В августе на приобретение новых книг было истрачено около 20 тысяч рублей.

Коллектив библиотеки от имени своих читателей решил обратиться к союзу советских писателей с призывом помочь ему в организации литературных вечеров и конференций.

★

Методический кабинет библиотекаря при управлении культурно-массовыми предприятиями Моссовета еще 23 августа разослал всем районным библиотекам «Список художественной литературы для громких читок в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР».

Библиотека имени А. С. Пушкина первая провела около 20 громких читок.

В ближайшие дни будет проведено еще 30 таких читок.

Для предприятий, где проводятся беседы по вопросам Сталинской Конституции, библиотека им. Пушкина подбирает литературно-художественные произведения, иллюстрирующие беседу.

После доклада на тему «Права женщины в СССР» работники библиотеки читают рассказ М. Горького «Вывод» — о положении женщины в царской России и помещенный в «Правде» рассказ Полины Осипенко «Как я стала военным летчиком».

Библиотека имени А. С. Пушкина предполагает провести художественные читки по вопросам национальной политики и на антирелигиозные темы. Организуются два больших литературно-художественных вечера на тему «Наша родина».

Подобного рода работа проводится далеко не всеми библиотеками Москвы.

Ни библиотека Сокольнического района, ни библиотека имени Н. В. Гоголя читок не проводят. Немногим лучше обстоит дело в библиотеке имени Сталина (Киевского района).

Методический кабинет библиотекаря при Моссовете в значительной степени виновен в том, что заслуживающее всяческого одобрения начинание библиотеки им. Пушкина не заимствуется другими библиотеками Москвы. Разослав списки литературы, кабинет решил, что его обязанности на этом кончаются.

Никто не интересуется, как проходят читки на местах, не нужна ли работникам библиотек помощь, не нужно ли их проинструктировать.

Песня о Сталине

Композитор В. И. Рамм написала «Песню о Сталине» для женского хора и «Хор казахских девушек» на слова народного певца Казахстана Джамбула.

«Хор казахских девушек» посвящен двадцатилетию Великой Пролетарской революции.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ —
ПОБЕДА ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ!

Плакат художницы В. М. Ливановой, выпускаемый Изогизом к XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Текст плаката печатается на русском языке и на 14 языках народов СССР.

Алексей Максимович Горький.

К сорокапятилетию со дня появления первого рассказа Горького «Макар Чудра» — в тбилисской газете «Кавказ» от 12 (24) сентября 1892 года.

Замечательный памятник культуры

МУЗЕЙ А. М. ГОРЬКОГО

В ближайшие дни столица Советского Союза обогатится новым замечательным памятником культуры — музеем великого пролетарского писателя, Алексея Максимовича Горького.

В больших залах старинного особняка на улице Воровского, построенного знаменитым русским архитектором Козаковым, посетители увидят сотни исторических реликвий. Каждая из них связана с жизнью и творчеством А. М. Горького, великого сына русского народа.

Музей — накануне открытия. На большом дворе, обнесенном каменной оградой, разбиваются клумбы, асфальтируются дорожки. Среди цветов, в центре небольшого сада, на постаменте будет установлен большой бюст Алексея Максимовича работы скульптора С. Меркурова.

В залах музея развешиваются картины, устанавливаются стэнды, размещаются в витринах документы, рукописи, фотографии, книги.

Работа по экспозиции еще не закончена, но и сейчас в выставленных материалах уже ярко вырисовываются контуры большой жизни мужественного писателя, борца-революционера.

В первых восьми залах — экспонаты, показывающие путь Алексея Максимовича. В них наглядно и ярко отражены все этапы жизни гениального художника слова.

На стэнде из красного дерева и на стене над ним — документы и фотографии.

Вот двухэтажный, неказистый домик. В нем 16 марта 1868 г. по старому стилю от брака краснодеревщика Максима Савватеевича Пешкова с мещанкой Варварой Васильевной Кашириной в Нижнем-Новгороде родился сын Алексей.

Особая витрина знакомит посетителя с книгами, по которым Горький учился грамоте, которые он читал в детстве.

Юный Пешков мечтает об университете, он едет в Казань и попадает там в... знаменитую «Марусовку», где живет среди различных людей, которые своей психологией и бытом интересовали его еще в Нижнем.

В Казани Горький входит в среду революционной молодежи и знакомится с одним из ее местных руководителей — Федосеевым, которого знал В. И. Ленин, незнакомый еще в то время с Алексеем Максимовичем.

В 1889 году Горький впервые столкнулся с царской охранкой. В витрине — пожелтевшие листы полицейского «дела о мещанине Пешкове». Это было далеко не последнее политическое «дело» Алексея Максимовича. В витринах, посвященных дореволюционному периоду жизни и деятельности А. М. Горького, мы неизменно встречаемся с папками жандармских управлений.

Писатель-революционер причинял много беспокойств царскому правительству. По его следам ходили шпики и филеры.

В одной из многочисленных агентурных сводок филер Соловьев докладывает своему начальству:

«Кронверкский проспект. Дом 23. Вышел из дома в 12 часов дня. На углу Кронверкского проспекта и Каменноостровского сел в трамвай и поехал без наблюдения. Был указан филеру Семенову.

17 апреля 1915 года».

Вот фотография дома в Арзамасе, где жил писатель. На снимке у под'езда видна одинокая фигура охранника. Алексей Максимович не без юмора сделал на этой фотографии надпись:

«Арзамас.

Дом, где Горький жил под надзором полиции. Надзор, как видно по снимку, осуществлялся».

Царское правительство всячески пыталось оградить население старой России от «вредных» революционных идей, неутомимым поборником которых был Горький.

Осенью 1901 года без суда и следствия писатель был выслан из Нижнего. В день от'езда Горького, 7 ноября, в Нижнем передовая часть его земляков устроила демонстрацию протеста. Об этом Ленин в статье «Начало демонстраций» («Искра», от 20 декабря 1901 г.) писал:

«В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7 ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло, — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации, — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние».

Этот номер «Искры» и выставлен в музее.

Весьма интересна карта России, на которой показаны маршруты «хождения по Руси» великого писателя в 1888—1889, 1891—1892 гг.

Большое волнение вызывает скромная страница тбилисской газеты «Кавказ», где в субботнем номере 12 сентября 1892 г. был напечатан рассказ Алексея Максимовича «Макар Чудра».

В витринах много ценнейших автографов писателя, рукописей его художественных произведений, статей, писем и т. д.

Здесь посетители увидят рукописный текст знаменитого послания Горького к французскому обществу «Не давайте денег русскому правительству», рукопись раннего, до сих пор не опубликованного стихотворения, пьесы «Дети солнца» и проч.

Большой интерес представляет об'емистая тетрадь — первый вариант знаменитой повести «Детство». Он написан Горьким в 1893 году. Много лет спустя А. М., потеряв начальный вариант, заново написал свое «Детство». Сравнивая тексты первого и последнего вариантов, нельзя не поразиться удивительной памяти писателя.

В 1906 году А. М. выезжая по поручению ЦК большевистской партии в Америку для сбора денег в партийную кассу. О поездке писатель представил Центральному комитету подробнейший отчет, который выставлен рядом с другими материалами в витрине, посвященной пребыванию Горького в Америке.

Залы музея А. М. Горького — увлекательная и красочная книга о большом человеке, пламенном революционере, правдивом писателе, поборнике мира и единения всех трудящихся.

Это книга о человеке, имя которого звучит гордо.

Мы переходим из зала в зал, от витрины к витрине. Перед нами проходят знакомство Горького с Л. Толстым, дружба с А. Чеховым, знаменитый «академический инцидент», сближение с социал-демократией, 1905 год, знакомство с В. И. Лениным, участие в лондонском партийном с'езде, каприйская партийная школа, работа писателя над первыми сборниками пролетарской литературы, помощь молодому Маяковскому, империалистическая война, издание «Летописи», Февраль, Великая Пролетарская революция.

В одном из больших залов музея — две центральные темы: «Горький и буржуазно-капиталистический Запад» и «Горький и социалистическая родина».

В последнем зале музея развернуты три большие темы: «Ленин и Сталин, партия и рабочий класс в творческой жизни А. М. Горького», «Горький и литературное классическое наследство», «Творческая лаборатория Горького». Тут выставлены портреты великих вождей пролетариата — Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, высказывания Горького о деятельности этих гениальных революционеров, материалы, отражающие связь писателя с партией, с народом.

Музей А. М. Горького — богатейшее собрание самых разнообразных исторических материалов. Здесь — десятки живописных полотен, скульптуры, фотографии, документы, письма его современников, вещи, которыми был окружен писатель в своей жизни.

Крупнейший вклад в сокровищницу истории русской литературы — открывающийся в ближайшее время музей Алексея Максимовича Горького — заслуживает самого пристального внимания наших писателей, художников, литературоведов, артистов, критиков и всей советской общественности.

Горький и религия

Издательство «Молодая гвардия» выпускает в скором времени книгу А. М. Горького «О религии». В ней собраны статьи, афоризмы и отдельные высказывания великого писателя о религии и религиозных обрядах.

Горький видел в религии источник рабства, духовного удушения, одурманивания народов. Он мужественно выступил против христианской проповеди непротивления злу, призывая людей к борьбе с несправедливостью.

В «Фоме Гордееве» Горький со всей силой своего художественного таланта рисует молебен и начало празднества по поводу «освящения» нового парохода купца Кононова. На праздник собралась вся купеческая знать. «Вот Луп Резников — он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он удушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Кононов лет двадцать назад судился за поджог, а теперь тоже состоит под следствием за растление малолетней».

Эти мерзкие хищники, разбогатевшие путем жестоких преступлений, молились... «в благоговейном молчании; лица их были благочестиво сосредоточены; молились они истово и усердно, глубоко вздыхая, низко кланяясь, умиленно возводя глаза к небу».

В 1912 году Горький написал антирелигиозную сказку «Девушка и смерть». В ней есть такие строки:

Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой».
Не пойму я ничего!
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распевает грустный хор:
«Со святыми упокой».

Сказку эту царская цензура печатать запретила. Горький писал о поповщине и церкви, что их задачи — «внушать бедным холопам, что для них нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю — дело благоугодное».

Полемизируя с Львом Толстым, Горький писал ему: «Глубоко верю, что лучше человека ничего нет на земле и даже, переворачивая Демокритову фразу на свой лад, говорю: существует только человек, все же прочее есть мнение».

В этом высказывании — весь Горький, все его мировоззрения великого гуманиста.

Неутомимый борец за торжество человека, Горький до конца своих дней был пламенным атеистом.

В одном из последних своих выступлений — на первом всесоюзном с'езде советских писателей — Горький напомнил о том, что активная борьба против религии должна быть насущным делом всех здравомыслящих людей.

К сожалению, писатели еще очень мало внимания уделяют в своих произведениях борьбе с религией.

Книга Горького — ценный вклад в антирелигиозную литературу. Она дает читателю яркое представление о великом писателе-атеисте, она поможет делу антирелигиозного воспитания масс.

«Последние» Горького в Театре революции

Московский Театр революции показывает в ближайшие дни свою новую премьеру — пьесу А. М. Горького «Последние», в постановке заслуженного артиста республики М. М. Штрауха. Режиссеры спектакля — заслуженная артистка республики Ю. Глизер и артисты В. Ключарев и И. Агейченков. Художник — А. Арапов.

Первые спектакли пьесы Горького состоятся 23, 24 и 30 сентября.

Ф. ЛЕВИН

Зачинатель социалистического реализма

Сорок пять лет назад в тбилисской газете «Кавказ» появилось первое произведение никому неизвестного еще писателя Максима Горького, — рассказ-легенда «Макар Чудра». В разноголосом хоре литературы 90-х годов зазвучал новый мощный голос.

Было бы глубоко неверно и антиисторично утверждать, что уже в этом произведении был весь Горький, каким его узнали впоследствии литература, страна, весь мир. Только любители эффектных, но плоских схем могут пытаться найти в этой легенде все идеи и чувства, развитые Горьким впоследствии. Столь же неправильно было бы утверждать, что Горький уже в «Макаре Чудре» выступил как окончательно сложившийся, сам себе равный и неизменный художник и мыслитель, что в этом рассказе заключен уже весь последующий его путь. Сказать так, означало бы лишить Горького права на дальнейшее развитие и совершенствование и совершенно игнорировать живой процесс становления писателя в конкретной исторической обстановке. Но вместе с тем бесспорно, что уже в своем первом рассказе Горький есть именно Горький, что в нем он резко отличен от той литературы, которую он завершил как ее последнее великое звено, явившись вместе с тем первым великим звеном новой пролетарской социалистической литературы.

В «Макаре Чудре» Горький выступил, как романтик. Характер этого романтизма превосходно определен им самим. Подготовляя курс истории русской литературы, читанный им в 1909 году в каприйской партийной школе, Горький записал на особом листке несколько общих соображений. Среди них записаны мысли о романтизме, о том его виде, «который возникает на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием. Этот вид романтизма мы назовем социальным или **романтизмом коллективизма.** Этот вид только-что зарождается, только-что формируется, и вместилищем его мы видим тот класс, который входит в жизнь как проводник социалистической идеи освобождения всего человечества из плена капитализма, как проповедник идеи всемирного братского и свободного труда, — социалистического строя.

Да не смущает вас применение термина романтизм к психологии пролетариата — термином этим, за неимением другого, я определяю только повышенное, боевое настроение пролетариата, вытекающее из сознания своих сил, из все более усваиваемого им взгляда на себя, как на хозяина мира и на освободителя человечества». (Цитирую по журналу «Литературный критик» 1937 г. № 6, стр. 110).

Вот это «повышенное, боевое настроение пролетариата» и явилось основой, содержанием горьковского романтизма.

В рассказе «Макар Чудра» оба героя — Лойко Зобар и красавица Радда — олицетворение непобедимой воли к свободе, воли, которую не может отнять даже смерть.

Им мало того, что они независимы и свободны в своей жизни, что они идут, куда хотят, что их нельзя купить ни за какие блага мира, нельзя надеть на них ярмо. Даже в своих отношениях мужчины и женщины, в любви они стремятся сохранить свободу, и ни один из них не может подчиниться другому.

Лойко говорит Радде: «Беру тебя в жены перед богом, своей честью, твоим отцом и всеми этими людьми. Но, смотри, воле моей не перечь — я свободный человек и буду жить так, как я хочу». То же говорит Радда Лойко Зобару: «Никогда никого я не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя».

И когда пришел решающий час, пришло время выполнить требование Радды, поклониться ей в ноги перед всем табором и поцеловать ее правую руку, Лойко убил Радду.

Умирая, она «сказала громко и внятно: «Прощай, Лойко! Я знала, что ты так сделаешь!»

Красавица Радда знала, что Лойко не может подчиниться, что он убьет ее, но не станет ее рабом, и, зная это, она все же требует подчинения, ибо и сама не может отступиться от своей свободы.

Жажда свободы доведена в рассказе до предела, до гиперболизации, она преувеличена, но это сделано сознательно, чтобы ничем не смягченная, не стушеванная, не сниженная идея звучала, как мощный призыв, как зов боевой трубы.

В атмосфере дикого полицейско-бюрократического произвола и давящего бесправия царской России 90-х годов этот призыв прозвучал резкой, громовой нотой, покрывая ноющие и сентиментально-слащавые голоса народников, пессимистическое воздыхание и маниловские бездеятельные мечтания, сытое бытописательство одних и послеобеденные покаяния других.

В противовес нищенской, задавленной, обеспложенной жизни людей, закованных в цепи непосильного труда, помещичье-капиталистического рабства Горький выдвинул сокола Лойко Зобара, красавицу Радду, сильных духом, красивых, как в сказке, вольных людей, он дал их во всем могучем обаянии героики, мечты, легенды. Горький писал Чехову: «Право же настало время нужды в героическом, все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее».

Лойко Зобар и Радда открыли собою галлерею горьковских образов людей, которые явились героическими, которые выше жизни, лучше ее, красивее ее. Данко, Челкаш, Мальва, юноша Марко и много, много других — все они не похожи на серую, неинтересную, тягостную окружающую жизнь. Гордые, великолепные, сильные, свободолюбивые, они не могут жить, как те черви, о которых ни сказок не расскажут, ни песен не споют.

Человек родился не для того, чтобы быть всю жизнь рабом, чтобы поковырять землю да умереть.

Жизнь — это радость, это — сила и красота.

Рабской жизни без радости, без любви, без шири степной Горький противопоставляет яркую, расцвеченную всеми красками мечту о жизни гордой и прекрасной.

Выступив как романтик, Горький утвердился затем в литературе как великий реалист, как создатель огромного количества исключительно правдивых, верных жизненных образов вполне земных людей, отнюдь не персонажей легенды, реальных людей всех классов, племен, состояний, России конца XIX и первых десятилетий XX века. Он дал их в исторически верно очерченной обстановке, в подлинных столкновениях, в той социальной борьбе, которая составила историческое содержание этого периода времени.

Горький не остановился на романтизме своих ранних, первых произведений. Но он и не отказался от него. Он стал великим реалистом, но он не отказался от героики, от мечты о прекрасном будущем человечества. Мы привели выше слова Горького о романтизме, как повышенном, боевом настроении пролетариата. Но эти слова имеют тут же свое продолжение.

«Само собой разумеется, — писал Горький, — что пока пролетариат строит свою идеологию — он должен быть строгим реалистом, строящим свои обобщения на фактах действительности, а не извлекающим материал идеологии из души, из опыта индивидуального, как это делают романтики-индивидуалисты.

Таков есть пролетариат в своих построениях — он реалист, он человек суровой действительности».

Развиваясь и идя вперед от «Макара Чудры», Горький беспощадно анализировал и реалистически показывал суровую действительность. «Свинцовые мерзости» жизни эксплоататорских классов, жестокость и тупость, подлость и произвол, хищничество и стяжательство, ложь и лицемерие, грязь и насилие, кривда и обман— все эти пороки и уродства жизни в царской России нашли в Горьком неустанного разоблачителя, продолжающего критически-обличительное дело корифеев русского реализма — Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Но они — эти его предшественники — блуждали в мучительных поисках выхода, жаждали найти ту силу, которая покончит со всей этой мерзостью, и не знали, где эта сила, как привести ее в движение.

Ко времени выступления Горького эта историческая сила в России уже была, она уже заявила о себе, и сам Горький был детищем и проявлением этой силы — пролетариата.

Вот почему в творчестве Горького суровый реализм, изображающий без прикрас жизнь, изуродованную, искаженную, обезображенную помещиками, капиталистами, их слугами, никогда не рождает пессимизма, чувства безысходности, отчаяния, безверия. Горький знает, что борьба идет и ширится, что победа не за горами, что еще несколько усилий — и алчный мир собственничества и насилия будет опрокинут. «Морями крови не угасят правды»— кричит Ниловна, мать Павла Власова, избивающим ее жандармам.

Эту великую правду, великое счастье и радость жизни Горький знает и ощущает не только в каком-то далеке. Он видит и находит ее везде. В нищенской конуре, в подвале, в ночлежке, в каменных корпусах фабрик он находит и изображает прекрасное, человеческое в людях. Он видит его под коростой невежества, под наслоениями предрассудков, рабства, античеловеческой морали, под всем, чем обезобразило человека многовековое царство эксплоатации. Он видит могучую силу народа — творца всех материальных и духовных ценностей, он видит замечательных женщин: бабушку, «Мать», «Мордовку», он знает радость и пафос человеческого труда, он ощущает прелесть и красоту детей, он знает подвиг борца за дело революции. Горький страстно любит жизнь, человека, природу, он полон неугасимой веры в будущее, он не устает мечтать и бороться за эту мечту, и эта вера, эта мечта основаны на глубоком знании, на трезвейшей оценке фактов действительности.

Вот почему в творчестве Горького реализм и романтика сливаются воедино, ибо они связаны неразрывно друг с другом, ибо жажда счастья, свободы коренится у него в отрицании «свинцовых мерзостей» эксплоататорского общества, и беспощадный анализ суровой действительности подтверждает, что мечта эта не беспочвенна, что она реально осуществима. Этот реализм и эта романтика суть лишь две стороны единого отношения к жизни.

В творчестве Горького они едины и дополняют друг друга, как любовь и ненависть, которые также неотделимы одна от другой, ибо любовь к людям, к свободе, к народу предполагает ненависть к врагам человечества, врагам народа, к поработителям и эксплоататорам.

Явившись основоположником социалистического реализма, Горький поднял мировую литературу на новую ступень. Этим он спас ее от вырождения. Совершенно бесспорно, что в буржуазном обществе романтизм и реализм обречены на деградацию. Первый, отворачиваясь от действительности, не пытаясь найти в ней ростки будущего, обращается в прошлое или уходит в раковину индивидуализма. Реализм, не мечтающий о движении вперед, лишенный маяка и цели, обескрыливается, вырождается в бытописательство, фотографичность, ползучий натурализм. Русский реализм XIX века пышно расцвел потому, что он был связан с силами освободительного, революционного движения, которые идейно питали его. Романтическая и реалистическая литература Запада со второй половины XIX века стала оскудевать. В России этот процесс запоздал, но ускоренно двинулся после 1905 года, выразившись в символизме.

Социалистический реализм дал мечте почву, дал реализму крылья. Он возродил литературу, он явился новым качеством, «сняв» своих предшественников, дав новую жизнь искусству.

Историческая миссия создания основ новой литературы, закладки фундамента социалистического реализма выпала на долю Горького.

В его творчестве мы находим реализм, как правду жизни, как ее глубочайшее знание, как изобличение уродства и мерзости собственнического мира, как изображение могучей красоты природы, как неустанное воплощение всего прекрасного и человеческого, что есть в народных массах. В творчестве Горького мы находим романтизм как безостановочное движение вперед, как страсть к изменению мира, как великую любовь и пламенную ненависть, как жажду красоты и свободы, как дух революционной борьбы за социализм.

В уставе союза советских писателей содержится абсолютно точная, классически ясная формула социалистического реализма.

«Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Начатое сорок пять лет назад творчество М. Горького является практическим воплощением тех именно принципов, которые даны в этой формуле. Начав с романтической легенды, показав героических могучих людей, готовых умереть, но не стать рабами, Горький призвал к борьбе против рабства и прошел вместе с пролетариатом весь путь борьбы вплоть до полного уничтожения эксплоатации человека человеком, вплоть до торжества социализма.

А. М. Горький.
Снимок сделан в девяностых годах.

Первая постановка «Егора Булычева»

Пять лет назад, 25 сентября 1932 г., в день сорокалетнего юбилея литературной деятельности А. М. Горького, театр им. Вахтангова впервые показал «Егора Булычева». В истории советского театра этот спектакль имел выдающееся значение. «Булычев» знаменовал победу реализма и в советской драматургии и в советском театре.

Исключительно большую роль сыграл «Булычев» в жизни самого театра им. Вахтангова. Известно, что этот театр, показавший советскому зрителю не мало замечательных постановок, создал в свое время и ряд ошибочных формалистско-эстетских спектаклей. В работе театра к 1932 г. четко сказывались две противоречивые линии: реализм и формалистические искания. Борьба этих двух течений вызвала серьезный кризис в творческой работе театра. Постановкой «Булычева», осуществленной под непосредственным наблюдением Горького и по одобренному им плану, вахтанговцы утвердились на позициях реалистического искусства. После огромного успеха спектакля, показавшего театру единственно правильное направление дальнейшей творческой деятельности, бесплодность формалистских ухищрений стала очевидной сама собой.

«Булычев» с необыкновенным успехом шел в Москве, в Ленинграде, на всей провинциальной сцене. Во всем русском классическом репертуаре редкая пьеса встречала такой восторженный прием у зрителей. Подобным успехом пользовались лишь лучшие пьесы русского репертуара: «Ревизор», «Горе от ума», «На дне» и др.

На первом представлении «Егора Булычева» в театре им. Вахтангова зрители приняли следующее обращение к А. М. Горькому:

«Дорогой наш Алексей Максимович!

Мы, твои читатели и зрители, с большим наслаждением только что смотрели в театре Вахтангова идущую в первый раз твою пьесу «Егор Булычев и другие». Мы потрясены глубоко затронутой темой, яркой обрисовкой образов предреволюционного периода 1917 года.

Алексей Максимович, ты внес этой пьесой большой вклад в советскую драматургию. Трудящиеся Страны советов через «Егора Булычева» еще ярче воспримут прошлое, еще глубже усвоят внутренние противоречия отмирающего капитализма, а с ним и всего старого мира.

«Егор Булычев» — прекрасная, талантливая пьеса. Мы, зрители и читатели, желаем тебе еще долгие годы творить произведения, достойные нашей эпохи, и служить делу пролетарской революции».

Горький для детей

Детиздат выпустил горьковскую библиотечку, состоящую из 10 небольших книжек. В эту серию вошли: «Челкаш», «Макар Чудра», «Песня о соколе» и «Песня о Буревестнике», «Зазубрина», «9 января», «Дети», «Сказки об Италии» и ряд других небольших произведений.

Все книжки — в ярких, красочных обложках. В тексте всюду имеются иллюстрации. Но не все рисунки одинаково удачны. Например, иллюстрации художника Горощенко к «Детям» сделаны тускло и безжизненно. Иллюстрации Сварога и Симакова к «9 января» слишком стилизованы. Зато очень выразительны и с глубоким пониманием образов Горького сделаны рисунки Богословского к «Челкашу».

Самый подбор произведений для библиотечки нужно признать удачным. Из небольших произведений Горького выбраны именно те, которые, будучи доступными для детского возраста, дают представление о писателе. Но, конечно, судить о Горьком только по его рассказам трудно. Редактору библиотечки т. А. Гольдбергу следовало бы сопроводить каждую книжку коротеньким комментарием, хотя бы в полстранички. К сожалению, такой комментарий дан только в двух книжках: «9 января» и «Песня о соколе». Даже к «Макару Чудре» нет примечания о том, что это первое опубликованное литературное произведение Горького.

Еще более удивительно, что редактор библиотечки не счел нужным раз'яснить встречающиеся в тексте Горького слова, непонятные для детей.

Берем, например, книжку «Как сложили песню». На первой же странице читаем: «Дородная рябая Устинья тихонько беседует с горничной моего шабра...» Надо было об'яснить, что значит слово «шабер». На странице 14: «Носил в кармане железную коробочку с продухами». Что такое «продухи»? Такие слова принято об'яснять в изданиях, предназначенных и для взрослых, а не только для детей.

Ар.

А. ЭРЛИХ

Действующие лица взялись за перо

1.

Философские и научные произведения требуют для своего чтения специальной подготовки. Искусство, по самой природе своей, служит всем без исключения. Нет такой глубокой мысли, такой философской тайны, такого сокровенного движения чувств, художественно претворенных мастером, которые бы остались для читателя непонятны и чужды. Не останется равнодушным перед произведением Толстого, Пушкина, Гоголя, Чехова или Горького каждый, даже и вовсе неграмотный, — пусть только более культурный сосед прочтет ему вслух.

В ином положении авторы комнатных чувств и мелких мыслей: они не знают столь широких, столь раздвинутых масштабов воздействия на читателя и общения с ним.

«Он выражается так: я прочту вам столько-то полос белого стиха, столько-то колонок рифмованного. И опять, всякий раз, как кому-нибудь кажется, будто этому ковровому вранью безразлично, лечь ли теменем, или пятками в полюс, появляются описанья и уподобленья невиданной магниточувствительности. Это — образы, то есть чудеса в слове, то есть примеры полного и стрелоподобного подчиненья земле. И значит, это — направленья, по которым пойдет их завтрашняя нравственность, их устремленность к правде».

Не следует искать здесь истины. Во всяком случае, «завтрашняя нравственность» и будущая правда не отсюда расцветут и утвердятся на земле. В отрывках подобного рода легко угадать Пастернака, чей вдохновенный взор ищет повода для словесных упражнений в самом себе, и чьи туманные, хотя и облагороженные мастерством мысли бьются в тесных и затхлых границах интимного.

Да что уж истина! Хотя бы точный смысл открыть в таких из'яснениях кажется иной раз напрасной затеей. К кому обращается автор, на каких читателей рассчитывает он?

Неужели только на кликушествующих «любительниц художественного слова», способных приходить в косноязычный восторг от одного лишь смутного бормотания, от одного лишь магического звучания намеков, в которых и сам автор едва ли уверенно разберется?

В противовес ложной и упрямой направленности некоторых художников вовнутрь, в самих себя, в туманный мир «тайного тайных», — в советской литературе множатся произведения ясные и точные, рожденные от соприкосновения с огромным миром настоящей жизни, подлинной борьбы, истинных страстей. А наряду с этим авторы, обладающие уже значительным профессиональным умением, но не накопившие еще достаточно жизненного опыта и наблюдений, нередко кооперируются с действующими лицами своих произведений. Выходят книги, написанные самими героями наших дней. Публикуются художественные записи огромного познавательного значения, способные вдохновить читателя и написанные мастерами социалистического труда — Стахановым, Бусыгиным, Кривоносом, Демченко, Евдокией Виноградовой. На одной из начальных, предшествующих тексту, страниц скромно сообщается, что «в организации книги участвовали» такие-то товарищи. Это значит, что перечисленные авторы соединили свое литераторское умение с производственным, жизненным и творческим опытом передовых стахановцев, в результате чего и могли появиться такие в высшей мере интересные книги, как «Рассказы о социалистическом мастерстве», например. «Рассказы» были изданы Профиздатом в прошлом году.

Явление это глубоко значительно и закономерно. Страна жаждет книг о людях нашего времени, о великих социалистических подвигах на колхозных полях, на фабриках и заводах, на строительстве такого исторического значения, как Москва—Волга, в перелетах такого поворотного смысла в развитии всечеловеческой культуры, как «Сталинский маршрут», как соединение по воздуху столицы СССР с Портландом и Сан-Джасинто в Америке. Советский читатель остается вполне равнодушен к иным, блистательным по форме стилистическим упражнениям о пустяках, и он жадно рвется к книгам широкого звучания, к книгам о современных великих днях, о больших подвигах наших дней, о больших и гордых чувствах наших братьев, друзей, товарищей.

2.

«Наш полет в Америку».

Под таким заглавием выпустил недавно свои записки Георгий Байдуков, Герой Советского Союза.

И это уже его собственные записки. Ему не помогал никто из профессионалов писательского ремесла. В отмеченном уже закономерном явлении наступил новый этап: нелитераторы сами, без посторонней помощи, выступают в литературе. Потребность в художественных произведениях о подвигах, которыми так богата Советская страна, слишком велика. Читатель нетерпелив, страстен, жаден. Поэтому записки летчика-штурмана не могли не появиться; книжка Г. Байдукова является вполне естественным откликом на категорическое требование миллионов советских людей, с восхищением и гордостью следивших, как летела краснокрылая советская птица с родными героями над полярной пустыней, потом над скалами Канады, потом над берегами, полями и городами Северной Америки.

«Мотор ревет на полную мощность своей металлической груди. В кабине слышится лишь непрерывная песня гула. Высота — 400 метров. В лощинах проплывающей местности густые туманы. Они неподвижны, как старость. Валерий в кепке и кожаном обмундировании кажется не полярным летчиком, а просто шофером, который собрался прокатить нас за город. Он спокоен и от нечего делать заглядывает вниз. Очевидно, поджидает свою родную Волгу. Саша уже спит. Ну и способности!».

У Байдукова было много обязанностей в полете. Он нес штурманскую службу, он был радистом, он чередовался с Чкаловым в многочасовых вахтах за рулем. Когда блестящий полет был завершен, ко всем прочим обязанностям прибавилась еще одна— литераторская. Он принялся за свои записки, еще не покинув Америки, и создавал книжку о замечательном полете в дни своих триумфов в городах Сан-Франциско, Чикаго, Вашингтоне.

Удивительно просто, ясно и сердечно пишет Байдуков. Мы с вами можем не знать тайн управления самолетом; навигационные приборы, которыми оборудована кабина, могут звучать вполне фантастически для нашего уха — и все-таки, автор, движимый желанием передать читателю все то, чем жила и что перечувствовала в полете славная тройка, вполне достигает цели. Мы летим вместе с ними, и радуемся, и тревожимся, и гордимся, и снова бываем охвачены беспокойством, и опять ликуем, вслушиваясь в безотказный, победный рев советской машины.

«Саша, Валя» — называет он своих товарищей, и они становятся для нас такими же близкими, как для автора и спутника.

«Чкалов захотел курить по-настоящему и теперь страшно злится. Я решил его успокоить. Полез в крыло и из своего рюкзака достал трубочный табак под названием «Капитанский». Название подходящее. Наше плавание весьма дальнее. Валерий, набив трубку, сразу же притих, как ребенок, которому дали соску. Я не удержался и тоже сделал несколько затяжек».

Нелитератор, выступающий в советской литературе, вовсе не беден языком, он не пренебрегает образом, сравнением, метафорой. Но они не назойливы, они нигде не являются самоцелью, а выполняют свою естественную функцию ферментов, помогающих чувственному и вещественному восприятию материала.

Путь самолета прегражден циклоном. Летчики пробовали обойти его, но циклон неотступно и быстро следовал за ними. Тогда не оставалось ничего иного, как, развернувшись, войти в темную стену облаков и постепенно набирать высоту. Наружная температура — минус 24 градуса по Цельсию; быть не может, чтобы при такой низкой температуре самолет подвергся страшной угрозе нового обледенения!

«Но первые же минуты горько разочаровали меня и Чкалова. Самолет начал мгновенно покрываться на лобовых частях прозрачным белым льдом. Затем ощутились тряска и вздрагивания... Никто не поймет, что ощущаем мы, пилоты, в такой момент. До слез обидно и до жути страшно подумать, что вот сейчас твой самолет превратится в льдышку и ты безвольно подчинишься слепым силам природы. Нет, не сдаваться! Полный газ!»

Спустя двадцать минут чудесная птица вырвалась из облаков к солнцу, на высоте 4150 метров. Обледеневшие части начали быстро оттаивать. Не один раз в полете наши летчики испытали эти грозные, эти страшные минуты в борьбе с ледяным дыханием Арктики. Настойчивость, уверенное спокойствие, отличное умение вести самолет в самых трудных условиях и быстро находить правильные решения всех возникающих технических задач привели их к победе, к торжеству, к славе...

Папанин и Кренкель также никогда не были литераторами. Жители Северного полюса ведут уже несколько месяцев героическую научную работу на дрейфующей льдине и почти ежедневно публикуют в «Правде» свои замечательные корреспонденции, предельно сжатые, истинно-художественные и волнующие миниатюры.

«Все крепче и теснее наша радиосвязь с миром. Затаив дыхание, слушаем мы митинг на Центральном аэродроме в Москве, посвященный возвращению экспедиции Шмидта — Водопьянова. Мы даже узнали голос Шмидта. Из Москвы доносились к нам крики «ура»...

В дни, когда самолеты экспедиции покинули льдину и на ней четырех зимовщиков-героев, Папанин и Кренкель писали:

«Перед отлетом самолетов мы поглядывали на них с вожделением: уж очень много пригодных для нашего хозяйства вещей там находилось. Хозяйственный Папанин грозил отпустить летчиков в одних трусиках. Механики поддавались нашим уговорам, списывали лишние трубы, провода. Мы ничем не брезгали, все принимали с благодарностью. И все же случилось невозможное: один самолет увез нашу сковородку. До сих пор мы не может успокоиться».

Когда у автора богатый, неисчерпаемый запас наблюдений, когда ему не приходится фокусничать со словом, чтобы скрыть собственную нищету, когда он свободно выбирает из огромной массы материала наиболее характерные частности, ему удается самое замечательное из чудес искусства: предельная лаконичность при максимальном содержании. В миниатюрах Папанина и Кренкеля с их несколькими десятками газетных строк неизменно чувствуется огромное авторское богатство; в них обильные подстрочные сокровища; в них воздух Арктики, характер трудовых будней на зимовке, и мужество, и бодрость, и юмор, и энергия, и воля, и бескорыстное благородство советских ученых, первых жителей первой зимовки на полюсе.

В корреспонденции «Месяц на льдине» они пишут:

«С большим удовлетворением мы трижды зарегистрировали появление большого морского зайца (тюленя). Как мы и раньше предполагали, жизнь в высоких широтах Севера, вопреки всяким теориям, оказалась весьма разнообразной. Совсем недавно мы отметили наступление на больших глубинах биологической весны. На глубине 3000 метров поймана маленькая медуза. Чайки и пуночки летают довольно часто. Завершая общую картину, недавно нас посетила медведица с молодыми медвежатами. Таким образом, центральная Арктика оказалась неплохо населенной. Начальник станции часами выстаивает на кромке полыньи, подкарауливая тюленя».

Крошечные произведения Папанина и Кренкеля, множась день ото дня, составляют и сами по себе замечательный венок рассказов о мужестве, выносливости и несокрушимой целеустремленности большевиков-героев. Но в них заключена еще и другая ценность. В этих, по необходимости беглых литературных опытах нелитераторов советские профессиональные писатели найдут величайший клад для своего вдохновения, для создания новых и монументальных произведений о советских героях, о славе родины.

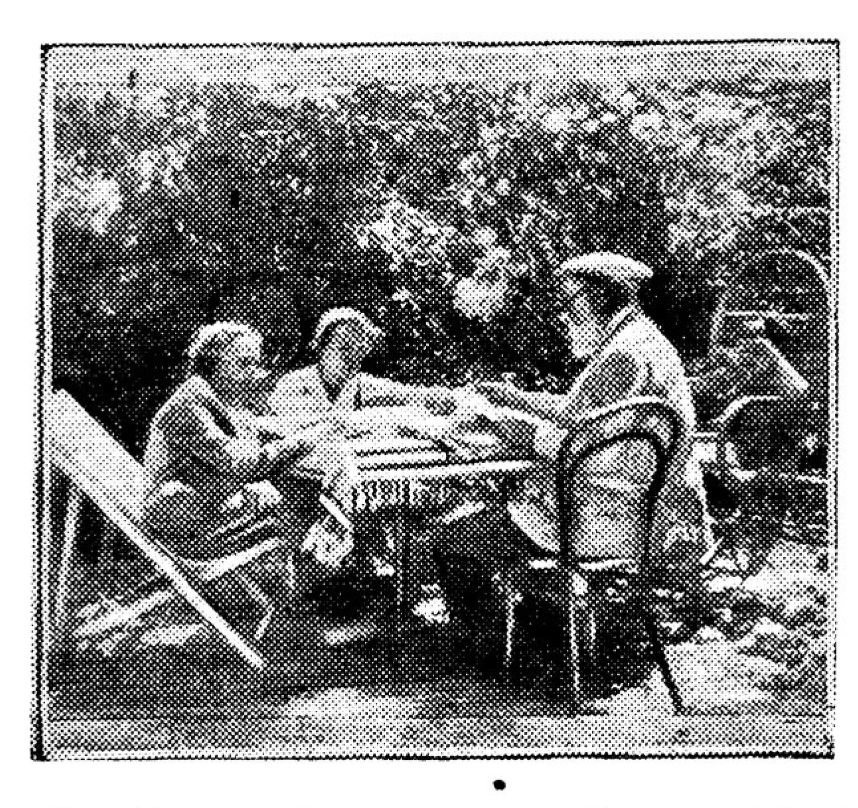
Семья Заломовых

...В 1902 году во главе первомайской демонстрации в Сормове, под пулями царских жандармов, Петр Заломов нес красное знамя. На знамени были написаны бесстрашные слова: **«Долой самодержавие».** Полиция жестоко расправилась с демонстрантами. Петр Заломов был зверски избит взбесившимися опричниками, брошен в тюрьму, судим и сослан в ссылку на вечное поселение.

Рассказ Петра Заломова о демонстрации, о себе и о своей матери Анне Кирилловне послужил Горькому материалом для написания всемирно известной повести «Мать». (В повести Петр Заломов назван Павлом Власовым).

На снимке: Петр Андреевич Заломов. В настоящее время он живет в г. Судже. Получает персональную пенсию от правительства. Снимок сделан в июне 1937 года для кинофильма «Семья Заломовых».

О своих встречах с великим писателем пролетариата Алексеем Максимовичем Горьким Петр Андреевич написал воспоминания для книги «Семья Заломовых».

На снимке: Семья Петра Андреевича: товарищ по подполью, жена его Жозефина Эдуардовна Гашер и старшая дочь.

Петр Андреевич Заломов читает жене и дочери новые отрывки своих воспоминаний.

Волна семьи Заломовых, потомственных пролетариев, большевиков-подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, пионеров. По всему Советскому Союзу разбросаны внуки и правнуки Анны Кирилловны. Сама она живет сейчас у своей дочери в городе Горьком.

На снимке: Петр Заломов, его мать Анна Кирилловна и ее внук Петр Денисов едут по улицам г. Горького на собственной машине.

«Кругом я в своем народе, — любит повторять Анна Кирилловна, — куда ни поеду, везде у меня сыновья, дочки, внучки да правнуки. И в Москве, и в Баку, и в Томске, и на Камчатке».

На снимке: Анна Кирилловна на первомайской демонстрации. Сормовичи окружили ее. Ее знают, любят и ценят в городе Горьком. Участники революционных событий 1902—1905 гг. движутся по светлым улицам нового города Красного Сормова. Живые герои, живые прообразы бессмертной повести Горького «Мать».

П. ЗАЛОМОВ

Мои встречи с Максимом Горьким

Я давно полюбил Максима Горького за его честную, пламенную, пролетарскую душу, за то, что он являлся великим пролетарским писателем, за пылающее сердце Данко, за «Песню о соколе».

Алексей Максимович Горький слышал обо мне еще до сормовской демонстрации 1902 года, хотел со мной познакомиться, но я был на плохом счету у полиции и мог ему повредить; я боялся навлечь на него еще большую ненависть полиции, которая видела в Горьком опаснейшего врага самодержавия.

Когда меня арестовали на сормовской демонстрации 1 мая 1902 г., Горький оказал мне большое внимание. Он ежедневно посылал с моей матерью мне в тюрьму обед и незадолго до суда велел передать всем нам, чтобы мы не пугались царских судей, обещал свою поддержку в ссылке, обещал выслать денег на побег.

Шестеро из нас, сормовцев, были сосланы в Восточную Сибирь навечно с лишением всех прав состояния. Каждому за первый побег грозило 25 плетей и 6 лет каторги, а за второй — 50 плетей и 12 лет каторги.

Алексей Максимович свое слово сдержал. Он присылал мне в ссылку по 15 рублей в месяц и однажды выслал 300 рублей на побег.

Впервые я встретился с Горьким после побега из ссылки в 1905 году, на его даче в Куоккала.

Чтобы не привести шпиков, я слез с поезда на предпоследней станции и дальше пошел лесом, под дождем. Мои башмаки раскисли, брюки вымокли. Подойдя к даче, я увидел во дворе высокого, крепкого, сухощавого человека. Он шел мне навстречу. Я вспомнил портрет Алексея Максимовича, узнал его и назвал себя.

Мы, старые рабочие, видевшие начало марксистского движения на фабриках и заводах, были революционными романтиками. «Песня о соколе» звучала для нас как боевая труба, вызывала слезы восторга. И вот передо мной стоял автор «Песни о соколе», передо мной был живой, смелый сокол, буревестник русской революции — Максим Горький. Он обнял меня и крепко поцеловал. Потом посмотрел на меня и сказал: «Так вот вы какой».

Мы пошли с ним на дачу, в его кабинет во втором этаже, выходивший окнами к морю. Я сказал ему, что люблю «Песню о соколе» и загорожу его в бою своей грудью. Он ответил: «Я тоже загорожу вас своей грудью в бою».

Весь мокрый, я дрожал от холода. Алексей Максимович распорядился отвести мне комнату, прислал свое белье, ботинки, платье. Но больше всего согрел он меня суровой нежностью, которая излучалась из его прекрасных глаз.

Он расспрашивал меня о моей жизни, об отце и матери, о революционной работе, о сормовской демонстрации.

Я сообщал больше сухие факты, мало говорил о своих настроениях, ничего — о своих мечтах.

Из ложного стыда я совершенно умолчал о побоях в участке и в башне нижегородской тюрьмы, о своих переживаниях.

Мне и в голову не могла притти мысль о том, что мои рассказы, моя жизнь послужат канвой для замечательного художественного произведения, которое сыграло большую роль в революционизировании широких рабочих масс.

Алексей Максимович набросал по моим рассказам записки, но их отобрала у него полиция при обыске, и свою повесть «Мать» он написал уже по памяти.

В 1905 году Горький был в центре подготовки вооруженного восстания. Благодаря своему громадному влиянию и своим связям он собирал на революцию сотни тысяч рублей.

Последняя моя встреча с А. М. Горьким произошла в 1934 году. Я приехал в Москву для лечения склероза сердца и мозга. По просьбе Алексея Максимовича, профессора принимали меня, как приезжего, вне очереди, в заранее назначенные дни. Я решил воспользоваться случаем и съездить к Алексею Максимовичу в Горки. Но он известил меня, что 19 июня приедет в Москву на чествование челюскинцев и пригласил меня к себе на Малую Никитскую к 4 часам дня. За мной был прислан автомобиль. Приехал я за полчаса до срока.

Вскоре приехал Алексей Максимович. Вошли в столовую две внучки Алексея Максимовича — Марфа и Дарья. Алексей Максимович весело смеялся и шалил с детьми: он вскидывал правую ногу выше их голов и грозно кричал: «Вот я вас». Девочки весело смеялись.

Я подошел к Алексею Максимовичу. Мы обнялись и несколько раз крепко поцеловались. На глазах у Алексея Максимовича показались слезы. Я чувствовал, что и мои глаза наполняются слезами. А. М. Горький быстро заходил по комнате и, потирая руки, радостно повторял: «Встретились старички, встретились старички». Подали обед. Алексей Максимович обедать не стал. Потом за чаем мы сидели рядом и беседовали. Я рассказывал о том, какая громадная колхозная сила растет в деревне. Затем мы беседовали о нашей могучей коммунистической партии, о доблестной непобедимой Красной армии, о нашем великом, гениальном вожде товарище Сталине. Алексей Максимович отзывался об Иосифе Виссарионовиче с громадной любовью и уважением. Рассказывал мне о своей встрече со старым колхозником-татарином, о росте революционной сознательности колхозников (рассказ о татарине-колхознике был впоследствии напечатан в «Правде»).

В беседе с Горьким я, по старой привычке, все сбивался на «ты» и наконец сказал: «Ты извини меня, Алексей Максимович, что я все сбиваюсь на «ты».

Горький ответил мне: «Это хорошо. Так и надо. Это очень хорошо. Так и надо».

После чая я простился, и Алексей Максимович просил меня передать привет моей жене Жозефине Эдуардовне. Меня тронуло такое внимание, поразило и то, что Алексей Максимович не забыл имени моей жены, хотя со времени их встречи прошло более тридцати лет.

А. М. Горький поехал в Кремль, а я пошел на Красную площадь занять свое место на трибуне около мавзолея Ленина.

Вместе с правительством, вместе с нашим вождем товарищем Сталиным на трибуне Ленинского мавзолея стояли челюскинцы, стоял и наш великий пролетарский писатель Максим Горький.

На всех лицах я видел счастье победы, видел непреклонную решимость защищать прекрасную социалистическую родину. И я твердо знал, что все так же чувствуют, как и я, знал, что у каждого в сознании и сердце звучат и поют те же мысли: «Нет в мире более высокого счастья, чем борьба за коммунизм».

Из готовящейся Профиздатом к двадцатилетию Великой пролетарской революции книги «Семья Заломовых» (серия книг «Рабочая семья»).

З. ВАСИЛЬЕВА

Из воспоминаний

Горький на писчебумажной фабрике Кувшиновых. Зима 1896—97 гг.

Горький в 18-м томе, в очерке «О вреде философии», упоминает о Николае Захаровиче Васильеве, большом оригинале, знатоке философии, химике по роду занятий и специальности. Стипендиат Нижегородского дворянского института (куда он попал, не будучи дворянином), а впоследствии Нежинского филологического института (высшего учебного заведения), он бросил стипендию и изучение мертвых языков для страстно любимой им химии. Однако вместо того, чтобы после окончания Московского университета отдаться вполне ее изучению, ему пришлось из-за тяжелого материального положения семьи служить химиком на заводах, и лишь последний год жизни (1900—1901) он был старшим лаборантом Киевского политехникума.

Первой его службой была Каменская фабрика Кувшиновых, и туда Алексей Максимович, утомленный, замученный работой на «Всероссийской промышленной и художественной выставке» в Нижнем и предыдущим годом работы в «Самарской газете», приехал с Екатериной Павловной и четырехмесячным сыном Максимом.

Целью его приезда был отдых от начинавшей утомлять толпы ненужных людей, ломившихся в его двери, возможность работать в тихом захолустье над обширными литературными замыслами, которыми он охотно делился с Н. З. Васильевым, а также надежда если не на избавление, то на ослабление неусыпного жандармского наблюдения. Удались ли первые две цели — увидим дальше, относительно третьей известно, что приезд и от'езд Алексея Максимовича точно зафиксированы Тверским жандармским управлением, и в нем же найдено впоследствии дело о Васильеве.

Фабрика отстояла на пятьдесят верст от железной дороги (г. Торжок), езда была нелегкой, потому что фабричные обозы выбивали глубокие ухабы; усталая и замерзшая семья Горьких добралась до фабрики к вечеру. И сейчас помню, каким жизнерадостным, ярким было появление этой семьи на монотонно-сером фоне фабричной жизни. Алексей Максимович всегда любил детей; позже (в Финляндии) он говорил: «Люблю ребят по-прежнему, но отвык возиться с ними». А тут он привез короб игрушек, поднял веселую суматоху.

Общая картина Кувшиновской фабрики: стояла она в низине, болотистой, с бедными маленькими перелесками (большие леса тянулись по горизонту), безыменной речонкой, отравляемой фабричными стоками; она и пруды («очистительные») лишь зимой не давали отвратительных гнилостных запахов. Фабричные корпуса, контора, склады — за высокой стеной, в воротах день и ночь сторожа, в ходу обычай личного обыска каждого рабочего, — все «как полагается». Снаружи тянулась единственная улица поселка, грязная, унылая, с рабочими казармами, насквозь прокопченными, и маленькими домиками на две-три семьи: тюлевые занавесочки и герани на окнах... Все скучно, убого: ни сада, ни бульвара для детей рабочих, — они гуляли по берегу гнилой речки и прудов. Ни библиотеки, ни клуба для рабочих. По будням — притупляющий труд; по праздникам — пьяная гульба, бои.

У входа в ворота — фабричная лавка, где продавалось все: и продукты, и одежда, и водка на книжку, а забранное вычиталось конторой из получки — всем памятная бессрочная кабала рабочих, да и большей части служащих. Привилегией служащих было право гулять по директорскому саду; но и там запахи реки, прудов и паров серы из целлюлозного корпуса доезжали и привычных людей.

В глубине фабричного двора стоял двухэтажный серый дом для служащих повыше рангом, в нем четыре однотипных квартиры на четыре комнаты в каждой. В одной из них жила семья Николая Захаровича Васильева.

Квартира делилась коридором на две половины. На одной — северной — располагались кухня, столовая и детская (у Васильева было двое детей); эти комнаты приблизительно равного среднего размера. По южную сторону коридора — одна комната большая, в четыре окна (три по фасаду и одно боковое) и одна комната маленькая, в одно окно. Первоначально предполагалось, что Горькие целиком займут южную сторону, но когда нас за стол, вместо четверых, стало садиться восьмеро, пришлось еду устраивать в большой комнате, что, конечно, очень мешало Алексею Максимовичу и загоняло всю его семью в маленькую однооконную комнату. Правда, в ту пору Алексей Максимович работал по ночам, и всю ночь горел свет в большой комнате, или слышно было, как он читал Екатерине Павловне написанное. Он отдал там в переписку рассказы «В степи» и «Варенька Олесова», а писал «Фому Гордеева».

С кем встречался и чем интересовался Горький на фабрике?

Он осматривал производство. На фабрике было очень много тяжелых и вредных работ: сортировка и очистка тряпья от пуговиц, крючков, и т. д., работа старух и подростков в сараях без окон и вентиляции, с завязанными ртами. Работали люди с больными глазами, руки в струпьях; работа в целлюлозном заводе, где сернистые газы вызывали легочные болезни и т. д. За этот адский труд платили 15 коп. в день; взрослой женщине-поденщице — 25 коп., мужчине — 40 коп. Чернорабочие были приходящими из окрестных деревень, фабричные жили в поселке, все были придавлены и принижены, издалека ломали шапки перед начальством. Но где-то глубоко билась революционная струя.

Среди интеллигенции, малочисленной, были люди, знакомые с с.-д. течением и двое-трое из них были и членами социал-демократических организаций. По старым связям был знаком Алексей Максимович с А. Ив. Метлиной — фельдшерицей. Там был еще врач каменской больницы, Франц Викентьевич Абрамович с женою, Бейца Леонтий Леонтьевич — лесничий графских юсуповских угодий, братья Ожеговы — мастера фабрики. Очень быстро Горький завязал с ними не только знакомство, но и деловые отношения. Раз в неделю, а иногда и чаще они собирались под предлогом карточной игры или у Ожеговых или у механика Блезе, нейтрального и лойяльного шведа, все жили в нашем же доме (кроме медицинского персонала больницы), и встречаться было удобно, если бы еще об одном обитателе дома, Финикове, сначала мастере, а потом помощнике директора, не ходили дурные слухи, как об агенте охранки. Конспирация была глубокая. Думается, что рабочие кружки существовали, а Горький помогал им, но точно это установить трудно. Абрамович поправел еще на глазах Васильевых, Бейца — умер, А. И. Метлина, как мне кажется, не принимала участия в нелегальной работе, а ее сестра — М. И. Метлина и Вас. Ив. Метлин, знакомые Алексею Максимовичу по Нижнему, в это время жили в Минске и встречать их не приходилось.

Кроме Кувшиновской фабрики ездил Алексей Максимович еще на стекольный завод. Там условия работы, оплата труда были еще тяжелее, а жизнь и быт еще неприглядиее «нашей» фабрики. Для подсобных работ (вынос бутылок, банок и др.) из выдувальни в сараи применялся исключительно детский труд, причем платили такие гроши, что боюсь и приводить цифры, — чуть не ½ коп. со ста штук; дети, метавшиеся между адской жарой и 10—20-градусным морозом, мерли, как мухи осенью.

После таких картин мрачнело лицо Горького, он становился угрюм, молчалив, барабанил, повернувшись ко всем спиной, по стеклам окна, одевался и уходил бродить в поле. Но снова вспыхивала его упорная воля, его несгибаемая жажда борьбы за человеческую жизнь для народных низов, снова он принимался за работу, мысли ложились на бумагу...

На встречу нового года, не знаю по чьей инициативе, вся фабрика (служащие) собралась ехать к Бакуниным в имение; ехали ряжеными. Алексей Максимович оделся странником. Дом Бакуниных, похожий на многие старинные помещичьи усадьбы Тверской губернии, одноэтажный, длинный, с неоклеенными и непобеленными стенами был полон молодежью. Горького восторженно встретили, водили его по всему дому, показывали портреты Бакунина, Герцена, Огарева, группы, редкие издания, потом увели его для отдельной беседы с кем-то из старших.

Алексей Максимович вернулся затем ко всей публике, был очень оживлен и увлекательно рассказывал об эпизодах своей бродячей жизни. Эта поездка дала ему много хороших минут. «Хорошая молодежь», твердил он, «хорошая молодежь».

Как жил Алексей Максимович на Каменской фабрике?

Размеренная, спокойная обстановка: день складывался правильно: в 8 часов, с гудком, уходил на работу Н. З. Васильев, от 9 до 10 завтракали; дети с нянями и мамами уходили гулять. 12—1 — второй завтрак; все это время Алексей Максимович или гулял, или досыпал после бессонной ночи, или отвечал на письма, читал газеты, журналы, новые книги. В 3—4 приходил с работы Васильев; они вдвоем принимались за уборку птичьих клеток. Оба, любители-птицеловы, частью покупали птиц, частью ловили их на огороде у нашего дома, в директорском саду. И в воскресные дни вставали с рассветом, брали еще кого-то с рабочей слободки и шли с разными ловушками в лес. После обеда, за которым Н. З. Васильев рассказывал о фабрике, Алексей Максимович — о новостях газетных и журнальных и т. д., все разбредались по своим углам, а часов в 6—7 на столе появлялся традиционный самовар, приходил кто-нибудь из посторонних. Вечером Горький или читал написанное, причем всегда он был строг и требователен к себе как к автору, и переписчику приходилось переписывать некоторые места чуть не по пять раз, или рассказывал. Кто слыхал Алексея Максимовича, особенно в тесном кругу друзей, — знает, какой увлекательный, непревзойденный он рассказчик. Передать его трудно: характерны его мимика, движения рук, улыбка, глаза, голос, типичное нижегородское оканье, а темы — всегда новые, всегда глубоко западающие в сознание. Н. З. Васильев был скуп на слова, реплики его были кратки, сжаты. Остальные слушали, не переводя дыхания.

Иногда засаживались читать; часто — философию. Тут верх был Н. З. Васильева, он об'яснял трудные места, хорошо знал историю философии. Чтения вслух Горький не любил. Из книг, читанных тогда ими, помню Канта, Гегеля, Спинозу. Менее трудные: «История материализма» Ланге. Тогда же отрывками переводился Ницше, только что появившийся в России, еще не переведенный. В журналах русских, я помню, интересовали Алексея Максимовича статьи Пыпина о сектантах — точное заглавие не помню.

Месяца три такой жизни подправили и починили нервы Алексея Максимовича, но зато, по мнению врача, туберкулез его все усиленнее требовал юга. Сын Максим рос не вполне удовлетворительно: да и чувствовалось, что зовут Горького зовы широкой жизни, тянутся к нему со всех концов страны нити, и самому ему уже душно в Каменском захолустье.

Семья Заломовых

...Ей уже 88 лет. Глаза плохо видят. С трудом двигаются пальцы. Но Анна Кирилловна продолжает вязать кружева. С детства она была искусной кружевницей. В нужде и лишениях прошла ее молодость. Она рассказывает о себе: «Родилась я в 1849 году. Жили мы в рабочем местечке Кошелевка, под Нижним-Новгородом, в дряхлой избушке. Жили, как и тысячи других, очень бедно.

...С детства ничему я так не завидовала, как возможности учиться. После долгих настойчивых просьб мать показала мне буквы, с трудом научилась я читать. В доме книг не было. Редко попадался мне в руки печатный листок, иногда лавочник завернет мыло или свечку в обрывок книги. Жадно собирала я эти жалкие обрывки, перечитывала их десятки раз».

Анна Кирилловна охотно рассказывает внучкам волнующие события своей жизни. Ни на минуту не расстается с своей любимой работой, говорит она:

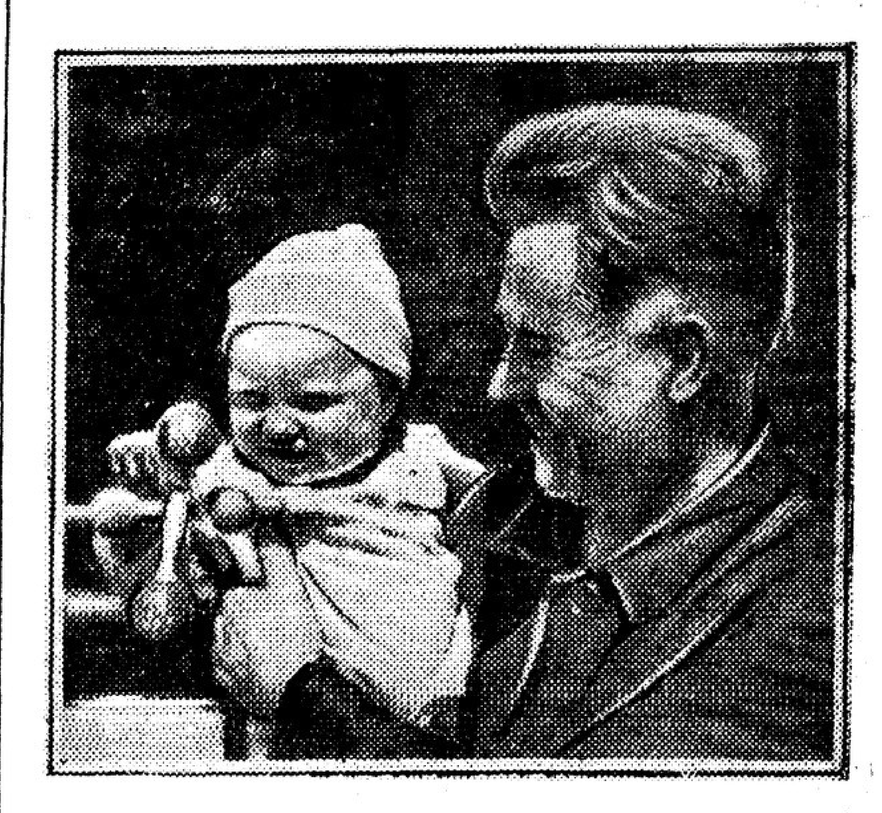
«Мой сын Петр работал слесарем на Сормовском заводе. Как узнала я, что он революционером стал, не отговаривала. Настойчив был. Крепко стоял за рабочее дело. Глядя на него, и я ему помогала».

С огромным интересом слушает Анну Кирилловну молодое поколение Заломовых.

...Еще более внимательные слушатели — пионеры, правнуки Анны Кирилловны.

Анна Кирилловна говорит: «Особенно памятен 1902 год. Накануне 1 мая надо было доставить из города в Сормово красные флаги для демонстрации. Дело было нелегкое. Жандармы следили зорко. По просьбе Петра я взялась выполнить это. Обернула флаги вокруг себя, поперек себя шире стала. В поезде люди увидели меня, говорят: «ишь кака толста старуха прется». Ничего, — довезла до Сормова благополучно. На другой день, 1 мая, под этими флагами рабочие вышли на улицу. Знаменосцем был сын мой Петр».

На снимке: Самый молодой член семьи Заломовых, 44-й по счету, Юрик Адельсон, правнук Анны Кирилловны.

Юрику весело. Хорошо. Ясный солнечный день на дворе. Впереди у него большая, сияющая счастьем и радостью дорога в жизнь, за которую боролись его деды и прадеды.

Фотоочерк иллюстрирован кадрами из документального кинофильма «Семья Заломовых». Режиссер — Н. В. Беляев. Сценарий Д. Левоневского и Г. Долинова. Производство Ленстудии «Союзкинохроника» 1937 г.

1749 г.
20 (31) VIII

А. Н. РАДИЩЕВ

1802 г.
11 (23) IX

(К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Появление революционной книги Радищева—«Путешествие из Петербурга в Москву» и ее громкий успех чрезвычайно встревожили Екатерину и правящие дворянские круги. Против Радищева было немедленно возбуждено уголовное дело. Следователем назначен был придворный палач, свирепый кнутобоец Шешковский. Этот «духовник», как его называли, пользовался особым доверием Екатерины и вел «розыск» по важнейшим политическим делам. Но как в деле Радищева должен был поступать палач, если сама императрица в «Замечаниях» на «Путешествие», легших в основу следствия, прямо приказала пытать автора, если он не сознается в своих преступлениях. **«Сказать ему,— писала она,— чтоб он написал сам, как он говорит, что правда (!) любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудит меня сыскать доказательство и дело его зделается дурнее прежнего».**

«Вопросные пункты» Шешковского Радищеву мало в чем уклоняются от пунктов «Замечаний» императрицы. Но, очевидно, во время следствия Радищеву ставились еще особые вопросы. Ниже мы приводим любопытный документ, свидетельствующий о тех методах, какими трусливая царедворская группа стряпала обвинение против Радищева. Так, например, Шешковский пытался выяснить, не имел ли целью Радищев книгой произвести французскую революцию. Приводим полностью сохранившийся в следственных материалах по делу Радищева протокол допроса от 17 июля (ст. ст.) 1790 г. Этот документ вообще характерен для «стиля», в каком вел следствие палач Шешковский.

«1790 года, июля 17 дня, господин Радищев спрошен был: к Кутузову (масон, друг Радищева, которому посвящено «Путешествие») в чужие края с каковым намерением послал известную книгу? На что он отвечал, что сию книгу послал он к нему по давней с ним дружбе, ибо с малолетства они жили, служили и учились вместе, почему они были между собою хорошие друзья, а сие-то самое и понудило его помянутую для него пагубную книгу к нему отослать, ласкаясь, что сия книга изобразит, каково он может остро писать. Впрочем, он никакого с ним согласия в сочинении той книги не имел, а единственно и дедикацию на имя его сделал ей из хвастовства, ибо он тогда таким безумием был об'ят, что казалось ему, что сия книга наилучшего есть сочинения... Печатать же оную книгу нигде в чужих краях намерения не имел, а к Кутузову, как выше сего сказал, для прочтения послал. К оному же Кутузову послал он книжку своего сочинения под названием: «Письмо к другу, живущему в Тобольске», которая также писана им была в об'ятом им тогда безумии. **Не может он того отрицать, чтоб оно не казалось произвести французскую революцию, но однако ж, по чистой совести своей, как явиться на страшный суд божий, уверяет, что он сего злого намерения не имел, а писал мыслями и штилем известного Ренальда,** в чем и признает себя виновным. К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил».

Не менее любопытен и другой документ. Следствию и суду нужно было во что бы то ни стало установить сообщников Радищева. Так как это не удалось, то в последнюю минуту члены уголовной палаты придрались к различию почерка правок корректурного экземпляра «Путешествия», что как бы служило доказательством коллективной работы нескольких лиц. Как известно, Радищев категорически отрицал чье-либо сообщничество в составлении книги и корректуре, а различие почерка об'яснял своим старательным написанием некоторых слов, «дабы наборщик не мог ошибиться». Это раз'яснение мало убедило «судей» Радищева. В день суда, почти перед вынесением приговора, члены палаты занялись графологическими изысканиями, заставив Радищева написать ряд слов и даже букв, внесенных им в корректурный экземпляр книги. Но и эти «изыскания» не дали никаких результатов. В деле Радищева сохранился отдельный лист с этими записями.

Запретное имя

Ровно через год после первого удара по королевской короне Франции Радищев напечатал в собственной типографии свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Это был 1790 год. Бастилия еще дымилась после штурма восставшего народа. Екатерина II от тяжелых предчувствий заболела бессонницей и недоумевала, как это «Управа благочиния» могла пропустить такое сочинение, как «Путешествие» Радищева, где содержались «самые вредные умствования», направленные «против сана и власти царской». Раздраженная и возмущенная, она готовила гибель своему «взбунтовавшемуся чиновнику», осмелившемуся бросить вызов всему строю, всей ее «философии на троне». Радищев был упрятан в Петропавловскую крепость, приговорен к смерти и в конце концов сослан в Илимский острог. Репрессии против всего «французского» приняли грандиозные размеры. Екатерина неистовствовала и в своем указе всем запретила ездить во Францию, ввозить оттуда журналы и книги и «впускать как сухим путем, так и водою в империю нашу из-за границ французов».

Но в то время как Радищев томился в ссылке, его 600 экземпляров книги «Путешествие из Петербурга в Москву» разошлись по рукам, перепродавались из-под полы за баснословные цены (на своем экземпляре Пушкин сделал надпись: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачен двести рублей») и читались нарасхват.

В «Оде на вольность», вошедшей в книгу Радищева, вольность была названа:

О, дар небес благословенный,
Источник всех великих дел!
О, вольность, вольность, дар бесценный!
Да смятутся
От гласа твоего цари!

Вспоминая казнь Карла Стюарта I, Радищев обобщает исторический акт революционного народа до степени грозного предупреждения всем тиранам...

Царь,
На громном троне, властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь...

Но — «трепещи, се мститель идет, прорицая вольность».

Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Екатерина верно заметила в своей «приписке» к оде: «Ода совершенно ясно бунтовская, где царям грозится плахой». Радищев был в глазах императрицы «первым подвизателем» Французской революции в России. В своем «Путешествии» Радищев впервые в истории русской публицистической мысли радикально ставил вопрос о крепостном праве, о произволе самодержавной власти и о бесчеловечности помещиков и чиновников. Ни русские сатирические бытовые зарисовки Новикова, ни драматические картины Фонвизина, ни западные антидворянские выпады Вольтера и Руссо не возвышались до тех пределов смелой и сильной мысли, каких достиг Радищев в своих очерках.

Он говорил всем в упор. «Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение», — читаем мы в главе «Любань». В главе «Зайцево» рассказан потрясающий эпизод с помещиком-истязателем, которого выщедшие из терпения крестьяне «убили до смерти». Весь рассказ автор замыкает характерной для него концовкой: «Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность». В «Пешках» Радищев рассказал о быте крестьян. Одна крестьянка показала ему хлеб, который она печет. «Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеянной муки». И при этом добавила: «Да и то слава богу, при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже... Ребята мрут. Мрут и взрослые».

Картины крепостного права, набросанные Радищевым, произвели на современников потрясающее впечатление. И лишь беспощадная расправа с автором заставила многих молчать и таиться. Имя Радищева стало страшным. Его боялись произнести вплоть до шестидесятых годов. В пушкинскую пору о нем говорили в тайных кружках, да и то шопотом. Но с этим именем сочеталось пушкинское «дум высокое стремленье. Нелегальные стихи нашего «поэта в поэтах первого», — равно как и строки Радищева,—стали все же достоянием широких кругов, мыслящих вольнолюбцев эпохи. Их читали, и никакие цензурные тиски не в состоянии были заглушить голоса великого Радищева и великого Пушкина.

О Радищеве нельзя было говорить в течение ста лет. Его сочинения были запретны, и переиздание их стало возможно только с 1905 года. До этого времени (если не считать ста экземпляров, изданных Сувориным в 1888 г. и представивших точную копию издания 1790 г.) Радищев не печатался в России.

Тем значительнее оценка, которую дала Радищеву эпоха социалистической революции. Автор «Путешествия» был первым в России писателем, который уже сошел с пути мелких разоблачений жизни и в своей книге обосновал неминуемость и неизбежность радикальных изменений всего строя России. Это был человек с огромным ощущением жизни, с огромным реалистическим восприятием ее, и правдивые наблюдения его, исполненные высокого гражданского пафоса, лучше всего характеризуют его личность. Не то «малодушие», которое проявилось в нем в годы ссылки, типично для него. Неисчерпаемая тревога за жизнь всего русского народа, за его попранные права, глубокая впечатлительность и чуткость писателя, так оскорбленного своими казенными соотечественниками, которых он в душе презирал, — вот что типично для Радищева.

Развязка, трагический конец его бурной и смятенной жизни, омраченной самоубийством, свидетельствует о том, что он не мог перенести всех безмерных испытаний «судьбы». Он был одной из первых жертв того строя, против которого поднял свой неотразимый меч осуждения. За ним вослед пошли декабристы, Пушкин, Лермонтов, Полежаев...

В творчестве Радищева можно найти не мало просветительно-идеалистических черт. Он еще с юношеских лет, со времени обучения «политическим и гражданским наукам» в Лейпциге, впитал в себя лучшие идеи таких философов, как Вольтер, Руссо и др. Но вместе с тем его политический радикализм представляет собою наивысшее выражение материалистической мысли его эпохи. В основных своих взглядах и оценке действительности он следовал не за Руссо, не за Лейбницем, а за Гельвецием. Это находит себе блестящее подтверждение во всех главах его «Путешествия из Петербурга в Москву», где дана обнаженная, до мелочей и тонкостей реальная картина разложения помещичьей России, где задолго до Салтыкова-Щедрина разоблачено было царство будущих Разуваевых и Деруновых.

Ник. АРДЕНС

А. Н. Радищев. С гравюры Вендрамина.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК

В 1918 г., через несколько месяцев после Великой пролетарской революции, вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин поставили перед нами, художниками, задачу монументальной пропаганды.

14 апреля 1918 г. был обнародован декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики», подписанный Лениным, Сталиным и наркомом просвещения Луначарским.

«Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, — говорилось в этом декрете, — подлежат снятию с площадей и улиц...» «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1-го мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс».

Советские скульпторы с радостью и воодушевлением принялись осуществлять идею Ленина и Сталина о создании монументальных памятников великим деятелям революции и культуры.

Лично я был автором первого портретного памятника, поставленного в Петрограде при советской власти. Это был памятник Радищеву.

В петроградских газетах появилось следующее об'явление:

«В воскресенье 22 сентября в 2 ч. дня на Дворцовой набережной (у Зимнего дворца, против Дворцового моста и Адмиралтейства) состоится согласно постановления Совета Народных Комиссаров торжественное открытие первого агитационного памятника революционеру Радищеву работы скульптора Л. В. Шервуда».

Памятник был установлен в проломе решетки Зимнего дворца, выходящем к Мосту Революции. Открытие его вылилось в большое народное торжество. А. В. Луначарский произнес речь.

— Радищев, — говорил он*, — был одним из великих людей России, проникшим в лазурные дали будущего. Он предвидел революцию, пророчески предсказал смерть палачей в царских мантиях от руки разгневанного народа... Руссо и Монтескье были вдохновителями Радищева. Сам дворянин и помещик по происхождению, он рано отделился от черной касты угнетателей и паразитов. Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» блещет до сих пор неувядаемыми достоинствами, как революционное произведение. Он обрушился таким бурным потоком негодования на самодержавие и его опору — помещиков, так правдиво и ярко раскрыл все ужасы крепостничества, произвола и бесчеловечья, что по выходе книги возмущенные крепостники цугом отправились к матушке Екатерине с челобитной. Екатерина хотя и кокетничала с либерализмом, но на этот раз, как кошка, выпустила из бархатной лапы свои когти: книгу признала мятежной и сама выступила в роли прокурора. Радищев был приговорен к смерти. Однако гнев почему-то был переложен на милость— казнь заменена ссылкой. Возвращенный из ссылки Павлом, Радищев был приглашен Александром I к «законодательной работе», к разработке «Гражданского уложения». Тут в нем пробудился опять революционер, стремившийся вдохнуть в закон заветные идеи. И после того, как он увидел ложь и лицемерие забот тиранов об угнетенном народе, сознал тщету жизни и усилий, Радищев отравился».

Вскоре А. В. Луначарский передал мне предложение Владимира Ильича Ленина отлить второй экземпляр бюста для Москвы. Предполагалось, что первый памятник будет установлен на пути, ведущем из Петрограда в Москву, а второй — при в'езде в Москву. Таким образом, эти памятники должны были напоминать о знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву».

Второй экземпляр бюста Радищева я отвез в Москву лично с тем, чтобы передать его Ленину. Памятник в Москве был установлен на Тверской, вблизи Ленинградского шоссе.

Через некоторое время буря разрушила пьедестал памятника в Петрограде, бюст Радищева перенесли в музей.

Впоследствии и московский экземпляр бюста был перенесен в Центральный Музей Революции.

Л. ШЕРВУД.

ЛЕНИНГРАД. (Передано по телеграфу).

* Текст речи приводим по газетному отчету от 24 сентября 1918 г.

Реализм Радищева

«Путешествие» Радищева глубоко реалистично. Это почти хроникальное произведение. В основу большинства рассказов положены доподлинно имевшие место происшествия и события. Даже под страхом тяжелых репрессий Радищев не побоялся подчеркнуть правдивость своего произведения. В письме-повинной на имя Екатерины из тюрьмы, об'ясняя возникновение книги, он пишет, что при составлении ее «на мысль мне пришли многие случаи, о которых я слыхивал, и дабы немного порыться, я вознамерился их поместить в книгу сию».

Насколько факты преступных деяний дворянства и бюрократической администрации, описанные Радищевым, соответствовали действительности, красноречиво свидетельствуют замечания самой Екатерины на «Путешествие».

Так, в замечании к стр. 79 «Путешествия», в том месте главы «Спасская Полесть», где во сне Радищева царь видит свои «корабли назначенные да прейдут дальнейшие моря... плавающими только при устье пристанища», а начальника их погрязшего в разврате, Екатерина пишет: «Не о Чичагове по крайней мере говорит?» [1] Возможно, что Радищев действительно имел в виду этого екатерининского адмирала.

В замечании к стр. 108, к главе «Новгород», где описаны злоупотребления и мошенничества в связи с существовавшим тогда вексельным правом купцов и ростовщиков, Екатерина пишет: «Знание имеет подробностей купецких обманов, чего у таможни легко приглядеться можно» [2].

В замечании к стр. 218, к главе «Едрово», где упоминается об одном помещике, изнасиловавшем 60 девушек, Екатерина пишет: «Едва ли не гистория **Александра Васильевича Салтыкова**» [3]. В «Путешествии» Радищев и сам указывает: «Повесть сия не лжива».

Особенно резко Радищев выступал против зверской эксплоатации крестьян помещиками.

В главе «Любань» Радищев приводит об'яснение крестьянина, почему он вынужден пахать свой клочок земли по ночам и в воскресенье: «Мы шесть раз в неделю ходим на барщину, да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господский двор... а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды». В главе «Зайцево» описан помещик, который превратил своих крепостных в рабов, «отнял у них всю землю, скотину у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе и то по одному разу в день, а иным давал из милости месячину». Аналогичный случай описан в главе «Вышний-Волочек».

Крайне возмущен был Радищев торговлей крестьянами, этим гнуснейшим явлением крепостничества. Правительство Екатерины ничем почти не ограничивало спекулятивного произвола помещиков. Правда, в 1776 году было запрещено во время рекрутских наборов совершать купчие на крестьян. Но вскоре было разрешено продавать в это время детей и стариков. Радищев требует во имя элементарнейших прав человека и гражданина немедленного пресечения этих преступлений. Этому посвящена глава «Медное», где до деталей описан «рабский аукцион». В главе «Городня» описан типичный случай продажи и перепродажи крепостных в рекруты. Автор видит трех скованных «крепчайшими железами» несчастных, убитых горем молодых крестьян, разлученных со своими родными и близкими. Они проданы помещиком, так как ему «занадобилися деньги на новую карету». (Подобный факт послужил сюжетом и для комедии Княжнина «Несчастье от кареты».)

Вполне реален рассказ присяжного (в главе «Спасская Полесть») о государевом наместнике, чревоугоднике, который питал чрезмерную слабость к устрицам. Нередко ради этого посылались на казенные деньги специальные курьеры за много сотен верст. Радищев этот рассказ переделал или вставил в «Путешествие» после цензуры. Иначе и нельзя было, так как под государевым наместником довольно прозрачно выведен всесильный фаворит Екатерины Потемкин. Его же имел в виду Радищев во сне царя (в той же главе): «военноначальник, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии».

Символический сон Радищева в главе «Спасская Полесть» рисует атмосферу лести и низкопоклонства, ханжества и продажности, царившую вокруг Екатерины. Радищев имел широкую возможность изучать придворные нравы во время пребывания в Пажеском корпусе с 1764 до 1766 г. И он пишет: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкой или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница (т. е. истина), отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

Недаром Екатерина, как передают современники и очевидцы, больше всего негодовала на Радищева за этот сон, почувствовав здесь личное для себя оскорбление.

Яркие, ценные личности, утверждал Радищев, находятся не в «высшем» дворянском обществе, а в народе, в крестьянстве. И в «Путешествии» выведен ряд ярких людей из народа. Их речь Радищев считал более полноценной, имеющей больше достоинств, нежели речь дворянского «салона», приспособлявшегося к структуре французского и немецкого языков.

Борьбу за народное просвещение на родном языке Радищев сделал одним из лозунгов своей широкой освободительной программы. В «Путешествии» неоднократно выдвигается требование организации обучения в низшей и высшей школе на народном языке: «Для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавалися науки на языке общественном, на языке Российском... как не потужить, что у нас нет училищ, где бы науки преподавалися на языке народном» (глава «Подберезье»).

Это был вызов дворянскому преклонению перед «иностранщиной», игнорировавшему народный язык. Это была линия борьбы Радищева с господствующими взглядами дворянской литературы.

Радищев—один из глубоко народных писателей своего века. Он «учился мыслить» в Лейпцигском университете, по произведениям лучших представителей передовой в то время буржуазной философской и политической науки, но это не помешало ему понять русскую действительность так, как только мог понять ее русский человек, которому близки и дороги судьбы его родины, участь подневольного, стонущего под тираническим игом царя и помещиков, народа.

Писать правду, реалистически изображать тогдашнюю мерзкую российскую действительность означало для Радищева — бороться с мерзостями феодально-крепостнического строя, за изменение этого строя, за свободу и благополучие народа. Это был реализм не созерцательный, а действенно-критический. Радищев был одним из предшественников критического реализма, и в этом его великая заслуга.

Д. ЛЕХТБЛАУ.

[1] Материалы для истории дела Радищева. А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений под ред. В. В. Каллаша. Москва, 1907 г., стр. 557.
[2] Там же, стр. 558.
[3] Там же, стр. 561.

Ф. КЕЛЬИН

Письма из Испании

С пятым полком

Пятый полк создал не только богатую литературу о себе, о своих вождях, о героической защите Мадрида, но и воспитал целое поколение молодых писателей. Когда будет написана история революционной испанской литературы за годы гражданской войны, пятому полку в ней будет отведен ряд ярких и выразительных страниц. Пятый полк — это мощная культурная организация, проведшая огромную работу на фронте и в тылу, это — «Милисия популяр» и целая сеть батальонных и ротных газет, это — издательство, выпустившее в свет военные повести Р. Сендера, стихи Р. Альберти и других поэтов народной Испании, очерки о Красной армии М. Кольцова. Это — поколение молодых писателей, вышедших из рядов полка, участвовавших в его военно-просветительной работе, воспитанных им иногда на самом месте боя.

Хосе Эррера Петере

Передо мною один из таких людей. Он—талантливый прозаик, поэт и драматург. Его имя — Хосе Эррера Петере. Его романсы можно услышать в Мадриде, в Валенсии в исполнении слепых народных певцов, передвижных театральных коллективов, на улице, всюду, где собирается толпа. Как-то недавно мы проходили с ним по площади Эмилио Кастеляр в Валенсии. Перед красным плакатом с революционными лозунгами расположились бродячие музыканты. Это музыканты и одновременно певцы. Почти все слепые. Они поют народные романсы—«романсы слепых» о гражданской войне. Коллектив, подобно другим, входит в состав особой организации «Ретабло рохо» («Красная эстрада»), работающей при «Альтавос дель френте» («Громкоговоритель фронта»).

— Давайте, остановимся и послушаем,— предложил мне мой спутник, — они наверное будут петь мои романсы.

И действительно, через несколько минут гитары заиграли бравурный мотив. Певцы запели марш «Но пасаран», слова которого написаны Петере. Скоро к певцам присоединилась толпа. «Но пасаран» пела вся площадь. Петере слушал, улыбаясь, а затем, обратясь ко мне, сказал: «Всем этим я обязан пятому полку».

Петере родился в Гвадалахаре—будущей «могиле итальянского фашизма», в 1909 г. Отец его — военный пилот — был одним из первых в Испании пионеров летного дела. Петере было два месяца, когда семья переселилась в Мадрид. С Мадридом связана вся жизнь Петере, — здесь он учился, сперва в колледже, а затем в университете, где получил звание «доктора права». Писать начал еще в школе, но серьезно занялся литературой только в 1930—31 г., когда напечатал свои первые статьи в мадридской «Литературной газете». Принадлежал тогда к «сюрреалистам» и был основателем, редактором и, как он сам признается, «главным, если только не единственным, сотрудником» двух эфемерных сюрреалистических журналов. К этому переходному периоду в его жизни относится первая книга его рассказов («Роженица», вышла в 1933 г.).

С 1931 г. начинается сближение Петере с компартией Испании. Вскоре молодой писатель вступает в ее ряды. Связующим звеном является журнал Альберти «Октубре» и мадридская Ассоциация революционных писателей и художников, членом которой Петере становится с первых же дней ее основания. Следует период безработицы — попытка получить кафедру, место биржевого маклера, голод...

В 1934—35 гг. во время так называемого «черного двухлетия», Петере работает в органе компартии «Эль Пуэбло», выходящем подпольно, подписываясь Петуар-Канигау. Он уже отказался от своего сюрреализма. Его стихи и проза звучат теперь по-боевому.

Гражданская война 1936 г., 5-й полк. Петере на фронте, вместе с одним из доблестных его командиров, тов. Карлосом. Вскоре ему поручают культурную работу полка. Он становится редактором его знаменитой газеты «Милисия популяр». Он ездит по фронтам, налаживает связь с военкорами и распределение газеты. Мы видим его вместе с Галаном в Сомосьерре. «Я мог бы за это время прекрасно изучить весь фронт», вспоминает он об этом периоде своей жизни. Одновременно он работает в издательстве 5-го полка в Мадриде. Здесь он публикует свою повесть «Охотники за танками», и составляет сборник романсов «Революционная поэзия». Союз об'единенной молодежи приглашает Петере в качестве редактора своих органов «Хувентуд» и «Аора». Петере много пишет. Его вещи появляются в «Моно Асуль», одним из деятельных сотрудников которого он состоит.

После роспуска 5-го полка «Комиссия общественной работы» направляет Петере на юг. Ему предлагают написать книгу о 5-м полке. Вместе с поэтом Мигель Эрнандесом он едет в Посо Бланко и Хаэн. Теперь, как писатель, он обслуживает организацию «Громкоговоритель южного фронта» («Альтавос дель френте-сур»). Затем он переходит в 11-ю дивизию Листера, где ему поручают редактирование газеты «Пасаремос». К этому времени относится ряд его стихов, преимущественно романсов, среди которых особенно замечательны «Песнь герильеро» и «Гимн 5-го полка».

Сейчас Петере работает над своей новой книгой о пятом полке, которую обещает закончить в ближайшие недели, и пишет пьесы для фронтового театра.

Темы для пьес намечает комиссариат пропаганды, при котором состоит театр. В настоящее время Петере является автором четырех коротких пьес: «Торредонхиль» (название села, где происходит действие: сюжет: «бойцы народной армии и крестьяне»), «Голос Испании» («Прежде всего надо выиграть войну»), «Монолог винтовки» (пьеса на тему о том, как обращаться с оружием) и «Подзорная труба». Последняя пьеса обычно разыгрывается перед пленными и ее передают по радио и громкоговорителям в неприятельские окопы. Она ставит своей целью об'яснить колеблющимся элементам в рядах фашистской армии подлинную роль итальянских и германских завоевателей.

Но, помимо этого, у молодого писателя очень много работы. Он только что напечатал очерк об испанских авиаторах, который войдет в «книгу рассказов о гражданской войне в Испании», подготовляемую мадридским «Альянсом антифашистской интеллигенции». Ему поручено также написать ряд очерков о танкистах и книгу о героических летчиках Советского Союза, о завоевании ими полюса.

На втором международном конгрессе писателей Петере входил в состав группы испанской литературной молодежи, выступившей в Валенсии 10 июля с особой декларацией. На мой вопрос — чем отличается «молодое поколение от старшего» Петере мне ответил, что «оно стоит ближе к народу, является более народным». Характеристика эта является вполне правильной.

Сейчас Петере переживает большое горе. В последних боях под Бельчите он потерял своего брата, молодого летчика, погибшего в схватке с тремя «фиатами» в том славном бою, когда «ля глориоса»* сбила 13 аппаратов противника, потеряв три своих.

Петере мне рассказывает о своей поездке на фронт, о том, как целую ночь вместе со своим отцом и одним из товарищей погибшего он безуспешно разыскивал тело брата. В его голосе дрожат слезы, но он перемогает себя и начинает говорить о Советском Союзе, о своей любви к нему. Снова голос его срывается. «Бедный брат так любил Советский Союз, так хорошо знал советскую литературу. Мы много говорили об этом во время своих путешествий по Испании. И вот теперь...».

В голосе опять слышатся слезы, это — горе, но мужественное горе. Недаром Петере был воспитан компартией и пятым полком, — получил в них свой закал. Он знает, что брат его погиб за новую, лучшую Испанию, за передовое и прогрессивное дело всего человечества, за мировую революцию. И в этом сознании он черпает силы для борьбы, для работы.

Валенсия, сентябрь 1937 г.

* Прозвище испанской авиации.

Необходимые указания... «указателю»

Вышел библиографический указатель «Испанская литература», составленный А. Певзнер и выпущенный Научно-исследовательским институтом библиотековедения и рекомендательной библиографии Наркомпроса РСФСР. Цель его — «ознакомление читателей и библиотекарей с испанской литературой». В указателе даны очень краткие характеристики крупнейших испанских писателей и их произведений, имеющихся в русских переводах; они сопровождаются библиографическими сведениями.

В основном составитель со своей задачей справился. Однако в указателе есть недостатки, на которых надо остановиться. Прежде всего аннотации не свободны от элемента вульгарного социологизма. Говоря о Лопе де Вега, например, составитель упустил основное: что в творчестве великого драматурга утверждаются человеческое достоинство, демократизм, свободолюбие, народная гордость. Глубоко неверна оценка Кальдерона, в которой правильно подчеркнуты исторически ограниченные мотивы его драм, но оставлены без внимания их философская глубина, сила выражения чувств, красота языка и образов, напряженность сценических положений — черты, заставлявшие увлекаться Кальдероном Гете, Маркса, Энгельса.

Нельзя называть его «Саламейского алькальда» «бытовой пьесой» — это подлинно народная драма, которая в нынешней Испании почитается произведением революционным. Не упомянута пьеса «Любовь после смерти», в которой Кальдерон оправдывает восстание морисков против правительства Филиппа II. Ошибочная трактовка Кальдерона и утверждение составителя, что «марксистской специальной критической статьи о Кальдероне, которую можно было бы рекомендовать, пока нет» — обнаруживают его незнакомство с очень интересной статьей Франца Меринга о «Саламейском алькальде», помещенной в томе I литературно-критических статей Меринга (издание «Academia», 1934). В этой статье Меринг развивает мысль, что «если Испания в силу своего историко-экономического развития оставалась прикованной к папской монархии средневековья, то это еще не означало, что ее католические формы мысли и веры лишены были всякого революционного содержания». Это должен понять тот, кто хочет разобраться в сложных проблемах драматургии Кальдерона.

Художественные особенности творчества отдельных писателей, в особенности современных, очерчены в указателе подчас нечетко и бледно.

О Гарсиа Лорка: если составитель пишет, что «помимо поэзии Лорка работал и в области музыки и живописи», то надо было отметить и деятельность Лорка в области народного театра. Ничего не сказано об эволюции творчества Рафаэля Альберти от чисто эстетских стихов к революционной пропаганде. В характеристике Хасинто Бенавенте упущено, что этот драматург, при ограниченности круга персонажей большей части его пьес, дает тонкий анализ их психологии. Неверно, что «Игра интересов» — «единственное драматическое произведение писателя, полностью переведенное на русский язык»: в 1919 г. была издана пьеса-сказка Бенавенте «О принце, который всему научился из книг».

В указателе много пробелов. В библиографии отсутствуют интермедии Сервантеса, дважды изданные в переводах А. Н. Островского, роман В. Эспинеля «Маркос Обрегон», трехтомник Кальдерона в переводах Бальмонта (1900—1912), комедии Кальдерона «Сам у себя под стражей» и «Дама-невидимка» (помещенные в журнале «Артист» в девяностых годах, они все же не представляют библиографической редкости), брошюра Д. Выгодского о новой испанской литературе, статья Ф. В. Кельина о Рафаэле Альберти и Марии Тересе Леон в журнале «Интернациональная литература», стихотворение Пля-И-Бельтрана «Песнь испанских детей о Ленине» (там же) и др. Перепутана библиография произведений Лопе де Вега.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ.

«Нарспи»

Памятник чувашской литературы

Красавица Нарспи и Сетнэр любят друг друга. Они встречаются утрами у ручья, куда Нарспи приходит за водой, а юноша—поить коня.

У ручья, что в даль несется,
Что звенит скороговоркой,
Рано черпает девица
В ведра воду ключевую.
Из ручья, что в даль несется,
Что звенит скороговоркой,
Парень поит ургамаха
Ключевой водой студеной.
И пока коня он поит,
Парень девушке прекрасной
Говорит с тяжелым вздохом —
Так, что с птичьим щебетаньем
Все слова его сливались:
— Нет, не знать мне, видно, счастья,
Обездолен я судьбою,
Не сидеть с тобою рядом
На широкой лавке жизни.

Сетнэр знает, что богатый Михедэр не согласится выдать свою дочь за бедняка, как бы молод и красив он ни был, как бы ни молила об этом Нарспи. Михедэр нашел для дочери достойного богатого жениха—старого Тохтамана и готовится к пышному тую (свадьбе).

Приглашенные пируют у гостеприимного Михедэра.

Невеста выходит в последний раз на веселый хоровод, а затем бежит вместе с Сетнэром.

Нарспи опозорила отца. Надо вернуть ее, пока не узнал о бегстве жених. Нарспи возвращена в отчий дом.

Наступили тяжелые дни для Нарспи. Любимый Сетнэр потерян, родные стали чужими, муж «учит любить» побоями. Не выдержав издевательства, она убивает мужа.

Нарспи снова с Сетнэром, но счастье ее кратковременно. Грозный отец и все селение проклинают молодую женщину, решившуюся на преступление. Отец отказывается от дочери.

...Но вот пробрались злодеи к старому Михедэру, обокрали и убили его и жену, а затем зарубили топором прибежавшего на крики Сетнэра. В отчаянии от потери любимого и родителей Нарспи повесилась.

Таково содержание поэмы «Нарспи».

Народное творчество всегда уделяло очень большое внимание бесправной доле женщины-рабыни. В поэме «Нарспи» дореволюционный чувашский писатель (умерший в 1915 году) Константин Иванов использовал и литературно обработал эти любимые народные мотивы.

Чувашская литература по праву может гордиться этим прекрасным, подлинно художественным образцом чувашского народного творчества. Благодаря переводу Андрея Петтоки (ГИХЛ, 1937, Москва) поэма впервые становится известной русскому читателю, и в этом общественное значение труда А. Петтоки. Но нельзя не отметить ряда существенных погрешностей в переводе.

Сюжетная канва поэмы Иванова построена сжато и четко, в поэме нет повторений, растянутости, но все это встречается в вольном переводе А. Петтоки (например, в разделе «Проклятие»).

Переводчик допустил вольность, добавив к авторскому тексту около 300 строк, что ослабляет сюжетную линию и композиционную структуру поэмы.

А. Петтоки изменил авторский принцип стихосложения. Чувашский стих относится к силлабической группе. В каждой строке подлинной поэмы имеется по 7 слогов с мужскими рифмами — переводчик же, очевидно, сознавая сложность такого перевода, отказался от рифмы вообще.

Перечисленные отступления и погрешности бесспорно снижают ценность работы переводчика и создают неполное, а отчасти и неправильное представление о важнейшем историко-литературном документе чувашского народа — «Нарспи».

Чрезвычайно удивляет то обстоятельство, что Гослитиздат, впервые выпуская на русском языке один из лучших памятников чувашской литературы, не счел нужным предпослать этой книге предисловия или каких-либо комментариев, раз'ясняющих русскому читателю, что собой представляет эта поэма, каково ее происхождение и каков ее удельный вес в чувашской литературе.

АРШАРУНИ.

Константин Иванов, «Нарспи», поэма, вольный перевод с чувашского Андрея Петтоки. «Худ. лит-ра», М., 1937 г., стр. 141. Ц. 4 руб.

НОВАЯ КНИГА о В. М. ГАРШИНЕ

Г. А. Бялый ставил своей задачей «дать конкретно-историческое представление о В. М. Гаршине... Произведения Гаршина рассматриваются здесь в связи с беллетристикой и массовой газетно-журнальной публицистикой 70-х—80-х гг.; его рассказы сопоставляются с аналогичными произведениями его литературных союзников и противников...»

Г. А. Бялый действительно привлек для характеристики Гаршина большое количество сопоставлений из беллетристики и публицистики 80-х годов.

Но в его книге о Гаршине обильный и нужный материал литературно-публицистических сопоставлений совершенно отодвинул в сторону основной вопрос о том, как, насколько глубоко и правдиво творчество Гаршина отражает современную ему действительность. А не решив этого важнейшего вопроса, Г. А. Бялый, естественно, не может сказать читателю, в чем же неповторимое, индивидуальное своеобразие исследуемого им художника. Поэтому, увлекаясь сопоставлениями, более или менее частными, внешними и случайными чертами сходства, Г. А Бялый легко ставит знак равенства между идеологией Гаршина и народничеством. Так облик Гаршина и обезличивается и извращается. На этой важнейшей ошибке т. Бялого мы и остановимся.

Г. А. Бялый считает «центральной идеей творчества Гаршина — пессимизм» (стр. 150). Бялый цитирует слова Ленина: «Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже» (Соч., т. II, стр. 330). Затем Г. А. Бялый **словами самих народнических публицистов** характеризует пессимизм народничества (стр. 76), находит такой же пессимизм в ряде вещей Гаршина.

Но, оперируя словом «пессимизм», автор книги лишает его конкретно-исторического содержания. Особенно ярко сказывается это тогда, когда Бялый пытается обосновать свои выводы на гениальных определениях Ленина, до предела насыщенных конкретным, историческим содержанием. Г. А. Бялый цитирует **слова** В. И. Ленина, совершенно не уяснив себе их **содержания**. Пессимизм народников лишается у Бялого своего характерного романтического утопического, суб'ективистского колорита. Г. А. Бялый совершенно не обращает внимания на слова Ленина о том, что «народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать» (Соч., т. II, стр. 329), о том, что «сражаясь с своей романтической мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм...» (Соч., т. II, стр. 324).

Исторический пессимизм народничества сочетался с романтическим отговариванием от фактов действительности и в первую очередь от развития капитализма, с надеждами, что интеллигенция может остановить и изменить ход истории, с прикрашиванием и лакировкой настоящего, в особенности общинных порядков. А Г. А. Бялый, основываясь на случайных цитатах из народнических публицистов, да притом безоговорочно, «на-слово» доверяя этим суб'ективным высказываниям, видит «три идеи», характерные для «народнической трактовки пессимизма»: «во-первых, утверждение того, что причина пессимизма находится «вне нас», в самом «колорите действительности», во-вторых, понимание пессимизма как жизненной силы и, в-третьих, отождествление пессимизма и обличительства...» (стр. 76). Неудивительно, что Гаршин в изображении Г. Бялого становится похожим на народника.

На самом же деле Гаршин в своих лучших реалистических произведениях **противоречит** народнической теории, а не поддерживает ее. Ведь как раз гаршинская «Встреча» содержит злую издевку над народнической фразеологией, вложенной в уста учителю Василию Петровичу. Конечно, Гаршин ненавидит хищника Кудряшева, но — и это самое существенное — Кудряшев Гаршина не просто казнокрад и аморальный человек, а типический представитель неудержимо развивающегося буржуазного уклада. Гаршин ярко показывает, что к Кудряшевым нельзя подходить только с суб'ективно-морализующей меркой. Кудряшев говорит: «Разве я один... как бы это повежливее сказать... приобретаю? Все вокруг, самый воздух — и тот, кажется, тащит... Сила в деньгах, а у меня есть деньги...».

Кудряшев в изображении Гаршина — представитель того самого «сложного хищничества», о котором Щедрин в «Пестрых письмах» сказал, что оно «есть порядок вещей, ничего больше». От Кудряшева нельзя «отговориться», его нельзя произвольно «остановить», и тем самым, на языке художника, Гаршин противоречил народникам, утверждавшим, что русский капитализм слаб, что от него легко избавиться и т. п.

Г. Бялый привлек для сопоставления со «Встречей» рассказ В. Кроткова «Последняя жертва катастрофы». Г. Бялый отметил **внешние** фабульные черты сходства между этими двумя рассказами, но он опять-таки не заметил главного — принципиальных отличий. В рассказе В. Кроткова нет и намека на широту и глубину гаршинских обобщений, а зато явственно чувствуется типически народническое морализирование. Мелкое обличительство Кроткова легко находит утешение — «правда жила еще в сердцах людских» («Отечественные записки», 1882, т. CCLXIII, стр. 351). Гаршина же народнические иллюзии утешить не могли.

Аналогично анализу «Встречи» Г. Бялый и в «Трусе» не увидел того, что составляет как раз особенность Гаршина-реалиста — умение изобразить войну и ее возникновение как огромный процесс, против которого совершенно бессильна та самая «критически мыслящая личность», на которую народники возлагали все свои надежды.

Вообще Г. А. Бялый не видит определяющей для рассматриваемых им вопросов особенности литературно-политической ситуации 70—80-х годов. В эту эпоху целый ряд писателей-реалистов, принадлежащих к лагерю демократии, рассматривал народников как союзников в своей борьбе против самодержавия, крепостничества и буржуазного либерализма. Марксизма эти писатели не знали. Но вместе с тем эти художники в своем творчестве правдиво и трезво изображали действительность, ее противоречия, рост капитализма, разоблачали народнические иллюзии и порой вступали в прямой и осознанный конфликт с народничеством. Их ни в коем случае нельзя назвать писателями-народниками. Во главе этих художников стоит Щедрин, которого Гаршин после закрытия «Отечественных записок» называл своим «бывшим командиром». Конечно, Гаршин не стоял на идейном уровне Щедрина, он не проходил школы Чернышевского и «Современника», он не обладал гениальной прозорливостью великого сатирика и беспощадностью революционного демократа, сложившегося в 60-х годах, ему вовсе был чужд исторический оптимизм революционного просветителя, свойственный Щедрину. Тем не менее и творчество Гаршина, несмотря на настроения безнадежности и разочарования в революционной борьбе, отчаянные порывы интеллигента-одиночки и сказывающиеся порой влияния толстовства и либерализма, своим ясным, правдивым, рельефным изображением действительности противоречило народнической теории и опровергало ее.

Творчество Гаршина, проникнутое жгучим протестом демократа-интеллигента против помещичье-буржуазного строя старой России, было вместе с тем ярким художественным свидетельством идейного краха и бессилия народничества, в частности народовольчества.

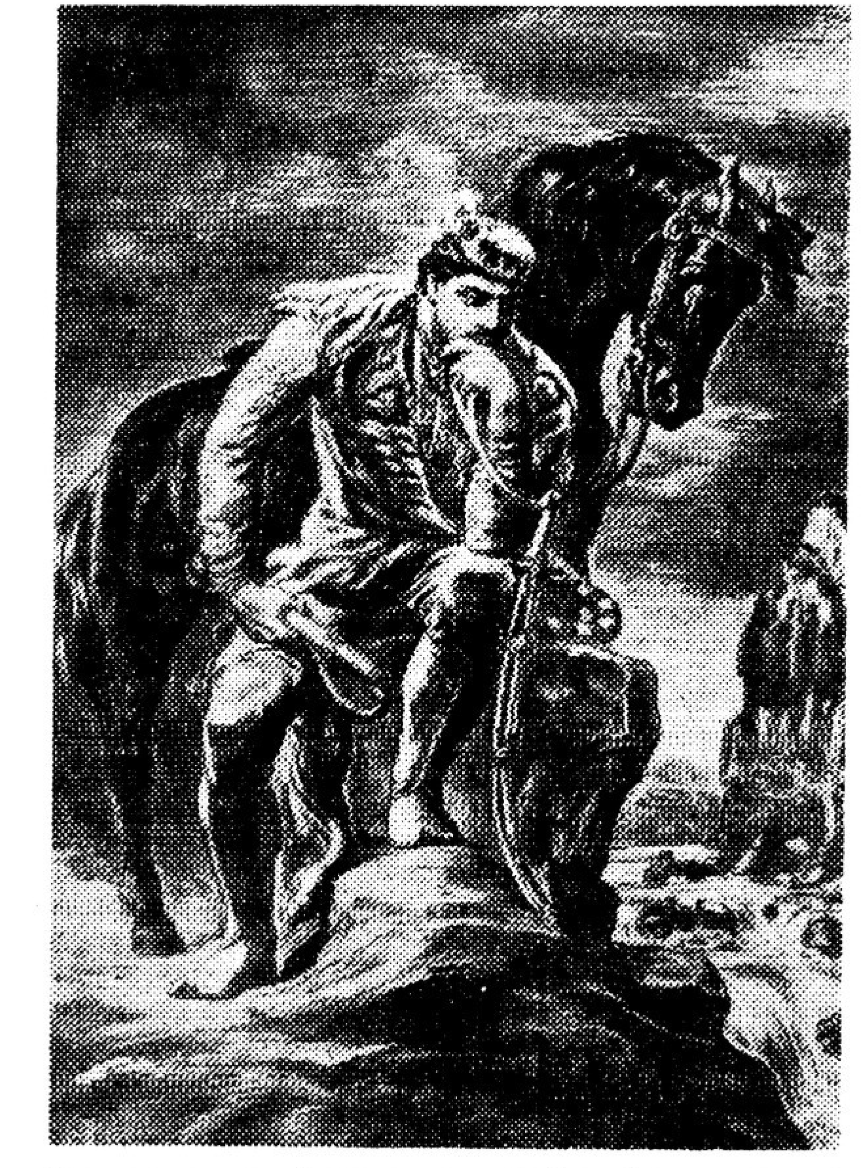
Недаром Гаршин в одном из своих писем 1881 года так передавал свои деревенские впечатления: «... насчет социальных стремлений так скажу, что не знаю, как в других местах, а здесь, в Херс. уезде Херс. губ., с «Черным переделом» — очень туго. Всякий норовит набить себе карман «капытул» и на этот капытул купить земли. Земля же сия возделывается пришлыми батраками — полтавцами, черниговцами и пр., т. наз. гетманцами. Положим, плату дают им порядочную, сравнительно с В. Россией, но все-таки **все держится на отношениях хозяина и батрака**». Г. Бялый цитирует эти слова (стр. 19), но не умеет связать их с характеристикой творчества Гаршина.

Михайловский же в своей статье о Гаршине возражал как раз против изображаемой писателем «коалиции стихийного процесса... и посторонних делу обстоятельств» и хотел видеть «победу истинного человеческого достоинства». Таким образом Михайловский критиковал самую сильную сторону Гаршина-художника, его умение видеть и изображать силу «стихийных процессов», от которых народники отговаривались.

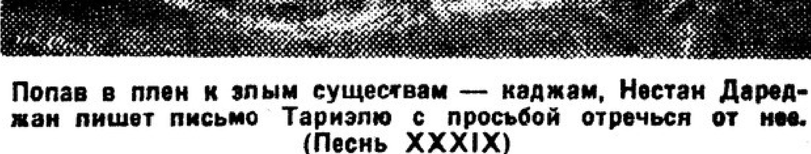
Отметим в заключение, что взаимоотношения Гаршина с толстовством, либерализмом и реакционной литературой обрисованы Г. А. Бялым гораздо более правильно; в целом же книга Г. А. Бялого дает по большей части сырой и во многом неправильно освещенный материал для понимания творчества В. М. Гаршина и литературной борьбы вокруг него.

Я. ЭЛЬСБЕРГ.

Г. А. Бялый, В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов. Издательство Академии наук СССР. Москва—Ленинград, 1937, стр. 211, 10.225 экз. Цена 4 р., переплет 1 р. 50 к.

После охоты царь Ростеван со свитой заметил у ручья неведомого витязя в тигровой шкуре, проливавшего слезы. Но задержать незнакомца не удалось. (Песнь II).

Попав в плен к злым существам — каджам, Нестан Дареджан пишет письмо Тариэлю с просьбой отречься от нее. (Песнь XXXIX)

Изогиз отмечает 750-летие со дня рождения великого грузинского поэта Шота Руставели выпуском серии художественных открыток-иллюстраций к поэме «Витязь в тигровой шкуре». Автор иллюстраций — грузинский художник Ираклий Тоидзе. Текст к открыткам написан В. Гольцевым.

Я. МЕТАЛЛОВ

«Лже-Нерон» Л. Фейхтвангера

Книги имеют свою судьбу. Судьба нового романа Л. Фейхтвангера в значительной мере определяется самой историей его зарождения.

Когда в 1933 г. фашизм пришел к власти в Германии и на площадях Берлина запылали на кострах «еврейско-большевистские писания» Э. Золя, А. Франса, Г. Гейне и великого гуманиста XVI в. Эразма Роттердамского, фашистские культуртрегеры вспомнили, что у них под боком, в Мюнхене, имеется свой собственный, еще живой, гуманист — Л. Фейхтвангер. К их сожалению, сам Л. Фейхтвангер был в это время в Америке, где выступал с циклом лекций, поэтому «просветить» «зловредного» писателя в каком-либо из фашистских концентрационных учреждений, как это пытались сделать с Л. Ренном и К. Оссецким, никак не представлялось возможным. Кое-что все же неутомимые поклонники бывшего бога Вотана и нынешнего бога—«фюрера» — сделали. Неизвестно, по директиве ли из Берлина или по инициативе местных любителей культуры, но квартира Л. Фейхтвангера в Мюнхене была разграблена дотла.

При разгроме погибла уже законченная рукопись второго, заключительного тома романа «Иосиф» (первый том — «Иудейскую войну» — Л. Фейхтвангер успел опубликовать еще до прихода фашистов к власти). В результате Л. Фейхтвангеру уже в эмиграции пришлось взяться за восстановление погибшего. Работа под руками деятельного и исключительно трудолюбивого писателя быстро и интенсивно двигалась вперед. Восстанавливаемый материал разросся в целых два тома, и таким образом «Иосиф» из двухтомного романа становился трехтомным. В 1935 г. уже был опубликован второй том трилогии «Сыновья». Готовился выход последнего тома... когда неожиданно Л. Фейхтвангер, натолкнувшись на чрезвычайно заинтересовавший его материал из истории древнего Рима, отложил в сторону последний, третий, том «Иосифа» и принялся за новый, совершенно самостоятельный роман «Лже-Нерон», законченный писателем в 1936 г.

Какие же факты из истории древнего Рима смогли настолько захватить творческое воображение Л. Фейхтвангера, что он, не завершив почти законченной работы над «Иосифом», все свои силы отдал «Лже-Нерону»? Ответом на этот вопрос могут послужить сюжет, образы, мысли, идеи этого нового романа.

В отличие от «Иудейской войны» и «Сыновей» «Лже-Нерон» Л. Фейхтвангера отнюдь не рисует перед нами большого масштаба исторических событий с крупными историческими деятелями. Сюжетной основой романа является малозаметный эпизод из эпохи древнего Рима I века н. э. История возвеличения и падения одного из многочисленных Лже-Неронов — претендентов на древнеримский императорский трон после смерти Нерона — вот фабульная ось романа.

Фейхтвангеровский Лже-Нерон — он же владелец горшечной мастерской Теренц — явно случайная и эпизодическая фигура. Он выплывает на поверхность истории как игрушка в руках властителей небольших государств, расположенных на восточных окраинах Римской империи и пытающихся в борьбе против неугодной им новой династии Флавиев посадить на римский трон своего ставленника. Пользуясь внешним сходством Теренца с покойным императором Нероном, политика которого была направлена на соглашение с государствами Востока, правители последних об'являют Теренца Нероном. В народе пускают слух, что Нерон в свое время будто бы бежал и теперь решил, свергнув Тита Флавия, вновь занять свой императорский трон в Риме. В силу сложного переплета взаимоотношений восточных и древнеримских деятелей Лже-Нерону при помощи обмана, провокаций и неслыханного террора удается в течение изрядного времени держать под своим скипетром многие из восточных окраин древнего Рима. Однако обманутый и терроризованный народ в конце концов распознает своего горе-правителя. В итоге Лже-Нерона выдают римским властям, подвергающим его всенародной казни на кресте.

Как далека, казалось бы, от нас тематика нового романа Л. Фейхтвангера! А между тем, когда проникаешь внутрь нового литературного сооружения Л. Фейхтвангера, когда знакомишься с его обитателями и разыгрывающимися в нем событиями, неожиданно ловишь себя на мысли: как много знакомых лиц и событий!

Вот на авансцене выступает главный герой романа — Лже-Нерон, он же владелец горшечной мастерской Теренц. Собственная жена его Кайя убеждает его отказаться от затеи выдавать себя за покойного императора Нерона. Понимая своим практическим умом простой женщины, что ее муж только игрушка в руках некиих, весьма влиятельных, но предпочитающих оставаться в тени персон, и что кому-кому, а Теренцу придется горько расплачиваться за всю эту затею, Кайя обращается без всякого пиэтета к своему супругу, забравшемуся на трон: «Не делай глупостей, идиот! — увещевает его Кайя. — Вставай и уноси скорее ноги, пока не поздно».

Но Лже-Нерон слишком упоен своим величием, чтобы так легко расстаться с властью. Наконец-то он стал вождем, — хочется сказать, — «фюрером», поднялся над миллионами людей и может потрясать их сердца и души своими «изумительными» речами. Природа наделила его не только внешним сходством с покойным императором Нероном, но и такой же неиссякаемой страстью к театральным эффектам и убежденностью в том, что в нем таится еще невиданный в мире артистический талант. И «великий артист» в самоупоении готов целыми часами высокопарно ораторствовать перед толпами людей.

Во имя сохранения своей власти Лже-Нерон готов пойти на любые преступления. Нерон, по легенде, поджег Рим и свалил вину за поджог на христиан, дабы поднять против них ненависть масс. В подражание покойному императору подручные Лже-Нерона подвергают целый город — Апамею— затоплению, чтобы возбудить население против римского императора Тита, по наущению которого будто бы христиане и затопили Апамею. Гибнут тысячи людей при затоплении города, гибнут на цирковой арене сотни невинных людей по приговору суда, инсценированного лже-нероновским статс-секретарем по делам пропаганды Кнопсом. Но всего этого Лже-Нерону мало. Как только дела его ухудшаются, великий правитель устраивает, подобное гитлеровскому 30 июня, зверское кровопускание.

В великом отвращении своем к фашистам Л. Фейхтвангер не скупится на картины и образы, отождествляющие современных фашистских провокаторов и убийц с их древнеримскими предками. Стремясь, однако, — как говорил сам Л. Фейхтвангер на Парижском конгрессе, — «одеть современное содержание в историческую одежду», писатель упускает, что прямое и непосредственное отождествление исторических событий с современностью легко может привести к порочным выводам, находящимся в противоречии со взглядами самого же писателя.

Разумеется, Лже-Нерон, его подручные и их совместные «подвиги» отнюдь не могут нами рассматриваться как простые дубликаты современной фашистской действительности. Здесь может и должна итти речь лишь о своеобразном «родстве душ» узурпаторов, их, с позволения сказать, «духовном созвучии». Гнусные «дела и люди» фашистской Германии XX в. далеко ушли от древнего и явно «отсталого» Рима I в., как его рисует в своем романе Л. Фейхтвангер. Если Лже-Нерон показан писателем прежде всего как маньяк, одержимый манией величия, то фашистские «Лже-Нероны», не уступая герою романа в маниакальности, отлично сознают, каким классовым и политическим целям служат их болтовня и театрально-помпезные парады. Прямое отождествление тем более недопустимо, что самое выдвижение Лже-Нерона оказалось в романе фактором, в основе своей историко-прогрессивным, тогда как фашизм, как об этом не раз писал и говорил и сам Фейхтвангер, неизменно проявляет себя как грязная и отвратительная накипь истории, безусловно и абсолютно враждебная человеческому прогрессу.

Но если аналогию и сопоставление «Лже-Нерона» с фашистской Германией нельзя заменять отождествлением, то пронизывающие новый роман Л. Фейхтвангера чувства ненависти к поработителям народа полностью и целиком могут быть адресованы нынешним хозяевам фашистского мракобесного государства. Ненависть и презрение к гитлеровским поработителям народа пропитывают весь роман Л. Фейхтвангера, определяют его идею, основные образы и с таким искусством построенную фабулу. Впервые в своих исторических романах прибегает писатель к столь острой, бичующей и уничтожающей сатире, создав, по сути дела, исторический роман-памфлет.

Только «Успех» — роман, опубликованный в 1930 г. и посвященный предфашистской Германии и духовному сородичу Лже-Нерона, великому любителю театральных эффектов «вождю» Кутцнеру (он же кривляющийся «фюрер» Гитлер) — давал такую беспощадную сатиру.

И эта сатира — пусть местами не в меру натуралистичная — тем действенней теперь, что впервые в исторических романах Л. Фейхтвангера она завершается не гибелью гуманистического одиночки, осмеянного и непонятого толпой, а гибелью и разгромом узурпатора, в конечном итоге разоблаченного народом. Л. Фейхтвангер — великий мастер трагических эпилогов. Но никогда еще писатель не поднимался до таких высот патетики, как в заключающей роман грозно-символической сцене казни Лже-Нерона. Хотя и сдобренная фаталистско-«искупительными» рассуждениями, сцена казни Лже-Нерона не только одна из лучших художественных картин, созданных Л. Фейхтвангером, но и показатель новых и все более крепнущих в писателе за последние годы оптимистических настроений, показатель нарастающей веры писателя в народные массы и их конечную победу.

Г. ЛУКАЧ

Вальтер Скотт

Интересна и многообразна литературная судьба произведений Вальтер Скотта. Он был, пожалуй, популярнейшим писателем своего времени. Произведения его буквально проглатывались широкими кругами читателей всех стран. Это увлечение разделялось великими умами эпохи — Гете, Бальзаком, Пушкиным и Белинским. Они говорили, что с Вальтер Скоттом для литературы открылась новая, высшая стадия развития.

Положение это изменилось к середине прошлого столетия. Потрясения, пережитые буржуазией, прежде всего благодаря революции 48 года, положили начало отрицанию всей буржуазной идеологией живого духа настоящего народного историзма. История перестала быть, как она была во времена таких историков, как Тьерри, и философов, как Гегель, — идеологическим оружием защиты передовой мысли. Она принимает все более реакционный характер. Ведущие критики переходного к литературному декадансу времени — Тэн и Брандес — относятся к Вальтер Скотту пренебрежительно, как к модному писателю давно пройденного этапа литературы.

Неисчерпаемый дар рассказчика все же сохранил Вальтер Скотту популярность у молодежи, несмотря на оценки критиков.

В нашей стране в настоящее время не только подрастающая молодежь, но и массы читают этого писателя с увлечением.

Наши же критики и «литературоведы» до сих пор еще находятся под сильным влиянием «своих классиков» — Тэна и Брандеса. Хотя открытым нападкам на Вальтер Скотта препятствует авторитет Маркса, с которым сейчас не осмеливается полемизировать ни один вульгарный социолог, но оценки Тэна и Брандеса все же, хотя с изменениями и в сдержанном тоне, продолжают применяться, чтобы оторвать современного читателя от Вальтер Скотта как будто бы изжившего себя, не созвучного нам писателя.

Вальтер Скотт.

Эта «научность» вульгарной социологии особенно грубо проявлена в произведениях врага народа Фридлянда.

Несмотря на всю борьбу против вульгарной социологии, против формализма, живая связь между Вальтер Скоттом и нашей литературой все еще отрицается. Даже в настоящее время Вальтер Скотт очень часто рассматривается, как давно изжитая примитивная форма исторического романа (см. статью В. Шкловского о Тынянове в «Литературном критике» № 7).

Наша критика должна решительно бороться с такими воззрениями. Не только потому, что они являются перепевами формалистических и вульгарно-социологических установок буржуазной теории литературы периода упадка, но и потому, что ими отвлекается внимание молодых читателей, от того, что они сегодня должны познать у Вальтер Скотта. Молодежи мешают понять, как актуально стало это познание в связи с тем научным и художественным овладением историей, которое стоит перед массами.

Величие и актуальность Вальтер Скотта заключаются в том, что он — великий историк-художник народной жизни. Он, как правильно выразилась Жорж Санд, «был поэтом крестьян, солдат, отверженных, ремесленников».

Как нам известно, герои его произведений в большинстве случаев принадлежат к среднему дворянству. Но вульгарно-социологические упростители, извлекающие из этого определенные выводы о его «классовой психологии», не видят не только того, что отражает созданный Вальтер Скоттом мир образов, но и художественного значения этих центральных фигур для его композиции.

Уже Белинский совершенно ясно отметил, что, например, в «Ивангое» так называемый герой представляет собой, и как человек, и как историческая личность, самую незначительную и неинтересную фигуру всего романа. Белинский с глубоким пониманием учитывает, что эта композиционная манера Вальтер Скотта является самой нужной и правильной как в отношении эпоса, так и исторического романа.

Независимо от Белинского, в том же плане анализирует произведения Вальтер Скотта и Бальзак.

Какие функции несет в этих романах «средний герой»? Психологически и композиционно он создан таким образом, что через него приходят в соприкосновение типичные представители всех слоев общества данного исторического периода.

Благодаря такому человеку, как Ивангое, мы не только соприкасаемся с жизнью и конфликтами нормандского и саксонского дворянства, мы переживаем героизм и настроения саксонских крепостных крестьян, их революционных групп, варварски преследуемых евреев и т. д.

То же самое можно сказать и о всех остальных прекрасных романах Вальтер Скотта.

Вальтер Скотт был умеренным консерватором часто с очень ограниченными взглядами. Но когда, например, Шкловский пользуется историческим произведением Вальтер Скотта о Наполеоне, как ключом к его же роману, то это так же «истинно» и «марксистски», как если бы мы стали судить романы Бальзака по его монархическим газетным статьям и Толстого — по его религиозным трактатам.

Необходимо исходить из того, как это сделал Ленин в отношении Толстого, какой мир художественно отражен в романах и как проявляется это отражение.

В упомянутых романах героизм и человеческая сущность людей из народа безусловно противопоставляются поведению официальных вождей и официальных представителей правящих классов. Но Вальтер Скотт писал и такие романы, в которых люди из народа занимают все наше внимание. Вспомним чудесный народный образ Роб Роя (из романа того же названия), храброго ремесленника Генриха Гоу («Пертская красавица») и в первую очередь крестьянскую, ограниченно-пуританскую, геройски-плебейскую фигуру Дженни Динс («Heart of Midlothian»).

Но эти образы никогда не принимают монументально-романтического характера. Жизнь, по верному замечанию Белинского, — основное средоточие интересов персонажей романов Вальтер Скотта. Даже в минуты наивысшего героизма они никогда не отрываются от земли. Героизм этот представляет собой необходимую органическую часть народной жизни. Он показан так, чтобы представить перед нами лучшие моральные качества народа. Героические фигуры возникают из повседневной жизни народа, чтобы снова в ней раствориться. Причем Вальтер Скотт всегда приурочивает эти появления героев к общенациональным потрясениям, чтобы сделать яснее их взаимную связь. Он показывает, как эти потрясения освобождают, пробуждают, вызывают к жизни в народе качества, которые в нем всегда пребывали, но не проявлялись в спокойной повседневности.

Скотт дает своих наиболее значительных героев из народа, как выдающиеся характеры, но не как людей, составляющих исключение.

В этой его концепции исторической жизни особенно становится ясной его настоящая глубокая народность.

Консерватизм Вальтер Скотта делает его далеким от всяких плебейских тенденций. Он никогда не собирался писать романы, в которых мир трактовался и представлялся бы «снизу». Вальтер Скотт дает весь исторический мир в целом. Его необычайное мастерство заключается в том, что он умел находить фабулу, благодаря которой он соединял «верхи» и «низы» в одной, отражающей все противоречия кризиса картине. Народность и подлинная историчность Вальтер Скотта выражены в образах главных его героев. Людовик XI, Кромвель, Мария Стюарт и другие показаны на основе изображаемой народной жизни, а не биографически, как сейчас модно, в результате чего у некоторых современных авторов важнейшие исторические противоречия втискиваются в психологические рамки индивидуального развития. Предпосылкой, предисторией крупного исторического образа у Скотта служит широкое и драматическое изображение народной жизни, изложение противоречий тогдашней действительности и конфликтов в народной жизни. Историческое лицо, предназначенное для осуществления особых проблем такого конфликта в духе борющихся партий, делается их представителем, их вождем.

Вальтер Скотт идет здесь путем прямо противоположным тому, какой избирают известнейшие писатели наших дней. Он ставит великих людей истории перед лицом народных движений, а не дает эти движения лишь как биографическую черту (или «социологическую подкладку») в жизни отдельных крупных личностей.

Он идет противоположным путем и в отношении исторической правдивости, эпической художественности, народности. Понять это превосходство Вальтер Скотта над нашими современниками столько же трудная, сколько и актуальная задача.

Неужели Вальтер Скотта нельзя критиковать, спросят меня. Без сомнения нужно, но не в духе Тэна и Брандеса, не в духе вульгарно-социологической, формалистической критики.

В данное время нам необходимо овладеть наследством Вальтер Скотта, чтобы с его помощью освободиться от гнетущего влияния модернистских предрассудков. Это освоение должно быть критическим. Но оно должно отталкиваться от критики Гете, Бальзака, Пушкина и Белинского. Тогда наша современная критика найдет дальнейшие художественные пути, как их нашли в свое время великие последователи Вальтер Скотта — Пушкин, Манцони, Бальзак.

Навстречу 20-летию Великой Пролетарской революции

Всесоюзное совещание редакторов журналов и издательств

27 сентября в союзе советских писателей созывается всесоюзное совещание редакторов журналов и издательств по вопросу о ходе подготовки к 20-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Основными докладчиками выступают тт. Вс. Иванов, Н. Накоряков и И. Луппол.

С докладами выступят также редакторы журналов.

К участию в совещании привлекаются, помимо редакторов московских и ленинградских литературно - художественных журналов, и редакторы некоторых республиканских, краевых и областных журналов и альманахов.

В списке приглашенных на совещание — редакторы украинского «Литературного журнала», «Литературного Узбекистана», «Литературного Казахстана», «Литературного Азербайджана», журнала «Карелия» и литературно-художественных альманахов, издающихся в Воронеже, Архангельске, Калинине, Иванове, Ростове-на-Дону, Куйбышеве и Смоленске.

У московских драматургов

Бюро секции драматургов ССП СССР утвердило план работ на ближайшие два месяца.

Первый раздел этого плана содержит мероприятия, связанные с подготовкой к двадцатилетию Великой Пролетарской революции.

Секция ставит своей задачей организовать в юбилейные дни несколько вечеров, посвященных советской драматургии.

Перед юбилейными днями будут устроены читки двух лучших пьес из юбилейного репертуара и двух киносценариев, а также читки пьес, премированных на конкурсе самодеятельного репертуара.

Этот конкурс, об'явленный в свое время секцией драматургов, закончился присуждением трех премий. Пьесы, достойной первой премии, не оказалось. Вторая премия присуждена А. Д. Симукову за пьесу «Воительница Заболотья», третья премия — А. П. Навроцову за пьесу «Моя мать» и четвертая — Г. Я. Градову за пьесу «Чей друг».

Пьесу Б. Зорич «Чорт» жюри нашло возможным рекомендовать к постановке, не присуждая ей премии.

Пьеса А. Глебова «Жизнь» снята автором с конкурса.

А. Навроцов читал на-днях свою пьесу в секции драматургов.

Бюро секции драматургов созывает совещание с представителями театров и Всесоюзного и Московского комитетов по делам искусств для ознакомления с ходом подготовки юбилейных спектаклей.

Октябрьская серия Детиздата

К двадцатилетию Великой Пролетарской революции юные читатели получат от своего издательства 13 книг.

Это книги о вождях коммунистической партии, о нашей замечательной стране, о непобедимой Красной Армии, о новых подвигах славной советской авиации.

В начале октября выйдет первая книга этой серии — «Рассказы о товарище Сталине». Из воспоминаний соратников великого вождя и лучших людей Советской страны читатели узнают о детских и юношеских годах и о великих делах товарища Сталина.

Знакомая уже ребятам книга А. И. Ульяновой «Детские годы Ильича» выйдет в новом, улучшенном издании.

Специально для малышей готовится фотокнига о Ленине — с детских лет до последних дней его жизни. Книга составлена по материалам Музея Ленина.

«Чапаев» Дм. Фурманова выйдет в том же хорошем издании, в котором он был выпущен около года назад.

О Щорсе написали для детей книгу Е. Герасимов и М. Эрлих.

С Бауманом юные читатели познакомятся по книге С. Мстиславского «Грач — птица весенняя».

Новая, только что оконченная В. Катаевым книга «Я — сын трудового народа» посвящена периоду конца империалистической и начала гражданской войны на Украине.

Периоду гражданской войны посвящен детиздатовский сборник «Боевые годы», выпускаемый для младшего возраста. В нем собраны лучшие рассказы и отрывки из произведений наших писателей: «Метелица» А. Фадеева, «Красный десант» Д. Фурманова, «Гудок» Н. Островского, «Сон» В. Катаева, «Черный остров» К. Паустовского, «Красный бакен» С. Григорьева, «В бухте «Отрада» А. Новикова-Прибоя и «Пакет» Пантелеева. Книга будет издана в хорошем оформлении с иллюстрациями художника А. Ермолаева. Ее об'ем — 15 печатных листов.

О завоевании Северного полюса дети прочтут в книге Э. Виленского «Шестнадцать дней на полюсе», богато иллюстрированной фотографиями.

В книжке «Оборона» С. Михалков рассказывает малышам о всех видах оружия. Иллюстрации — П. Н. Кирпичева.

Книжка-картинка о маневрах Красной Армии будет сделана художником В. Курдовым.

В улучшенном издании будет выпущена книга А. Барто «На заставе».

Интересным изданием явится альманах «Детям», составленный из лучших образцов русской и национальной детской литературы.

Социалистическая родина в рисунках юных художников

На белом коне, в черной папахе, с обнаженной шашкой несется впереди отряда бесстрашный Чапаев... Вот он на фоне красных знамен ведет в бой своих верных соратников...

Леня Братченко из Чернигова, Юра Подляский из Вышнего-Волочка, Котарский и другие ребята посвятили Чапаеву свои работы, присланные на конкурс рисунков и литературных произведений, об'явленный ЦК ВЛКСМ и Музеем Ленина в связи с двадцатой годовщиной Октября.

Около двух тысяч рисунков и акварелей получил Центральный дом художественного воспитания детей РСФСР им. А. С. Бубнова на этот конкурс.

Гражданская война, охрана наших границ, война в Испании — вот героические темы многих детских рисунков.

Другая часть их посвящена мирному строительству Советского Союза.

Колхозная деревня. Яркожелтые гигантские тыквы. Корзины, полные только что собранного винограда. Фруктовые деревья, гнущиеся под тяжестью зрелых плодов... Можно подумать, что авторам этих рисунков, разбросанным в различных уголках страны, была дана общая тема — **изобилие.** Природные богатства, плодородие, зажиточная жизнь, — такова в изображении юных художников советская деревня.

Статьи Сталинской Конституции о праве на труд и праве на отдых также богато отражены в присланных детьми работах. Артек, тенистые парки, спокойные воды реки, рыбная ловля, веселое купанье — все это ярко изображено на рисунках, посвященных отдыху советских ребят.

Самые насыщенные по композиции и краскам — рисунки, изображающие праздники нашей родины.

Среди юных художников много несомненно одаренных детей. Лучшие из их работ достойны быть показанными на специальной выставке.

Прием рисунков на конкурс продолжается до 15 октября. После этого будет произведен окончательный отбор наиболее интересных работ для выставки.

Новая книга о Кирове

«С. М. Киров в сибирском подполье в 1904—1909 годах» — так называется выпускаемая Западносибирским издательством книга о славном соратнике Ленина — Сталина, товарище С. Кирове.

В книге даны воспоминания близких Кирову людей и представлены исторические документы, характеризующие роль Сергея Мироновича в революционном движении Сибири.

«Против тьмы»

Издательство «Искусство» выпускает большой антирелигиозный сборник «Против тьмы». В нем читатель найдет сатирические антирелигиозные новеллы Боккачио, Шарля де Костера, Я. Хашека и др., стихи Гете, Пушкина, Гейне, Беранже, Демьяна Бедного, Маяковского, рассказы Гюго, Горького, Серафимовича, Зощенко и др.

В сборник вошло свыше **50** антирелигиозных произведений.

Пионеры-школьники (слева направо): **Мария Штанке, Рая Делякова, Рая Конозова и Линда Мельдер** читают рассказы А. М. Горького (колхоз «Пролетарская победа», Западный улус, Калмыцкая АССР) (Союзфото)

На секретариате ССП СССР

Состоявшееся вчера заседание секретариата союза советских писателей было в значительной своей части посвящено рассмотрению внесенного смоленской организацией вопроса о дальнейшем пребывании в рядах союза писателя Марьенкова.

Общественный интерес этого дела заключается главным образом в том, что оно вскрывает крайнюю слабость воспитательной работы ССП с молодыми писателями, и то, как ловко пользуются этим обстоятельством враги народа для протаскивания в литературу чуждых влияний.

Марьенков принадлежит к группе молодых смоленских писателей, которую взял под свое влияние смоленский «наместник» Авербаха — критик Македонов (см. статью И. Жига «Что было в Смоленском отделении союза писателей» в № 49 «Литературной газеты»).

И вот годами, на глазах смоленской организации, Марьенков вел богемную жизнь, разлагался в моральном и бытовом отношении и совершенно не работал над повышением своего крайне низкого культурного и идейно-политического уровня.

Этим пользуется враг Македонов, который прибирает к рукам морально и политически неустойчивого писателя, прививает ему чувства непризнанного гения, захваливает, как особые художественные достижения, именно те страницы его писаний, в которых сказываются враждебные влияния.

Ярким светом была освещена фигура писателя Марьенкова, когда на вопрос т. Ставского — какие произведения Ленина ему известны, он вынужден был признать, что сочинений Ленина не читал.

Этот позорнейший для советского писателя факт секретариат решил сделать достоянием широкой писательской общественности.

Смоленская организация допускает, однако, возможность исправления Марьенкова и просила сохранить его в рядах союза, сделав ему последнее предупреждение. Но сам Марьенков своими неискренними об'яснениями на секретариате не подтвердил этого убеждения смоленской организации.

Секретариат, установив в поведении Марьенкова новые факты, несовместимые с званием советского писателя, отложил решение вопроса о дальнейшем его пребывании в рядах союза до выяснения всех подробностей.

Решение секретариата представляется непонятным и странным: в его распоряжении были все необходимые данные для изгнания Марьенкова из ССП.

★

Секретариат рассмотрел разработанное правлением Литфонда новое положение о порядке оказания материально-бытовой помощи членам Литературного фонда (см. № 43 «Литературной газеты»).

Секретариат в принципе согласился с решением правления Литфонда о введении в действие нового положения, базирующегося на принципах социального страхования и преимущественного обслуживания членов союза советских писателей.

Но, принимая во внимание интерес к этому положению со стороны всех членов союза, секретариат решил внести его на рассмотрение президиума союза на заседании 25 октября, предварительно разослав положение всем членам правления и местным организациям.

★

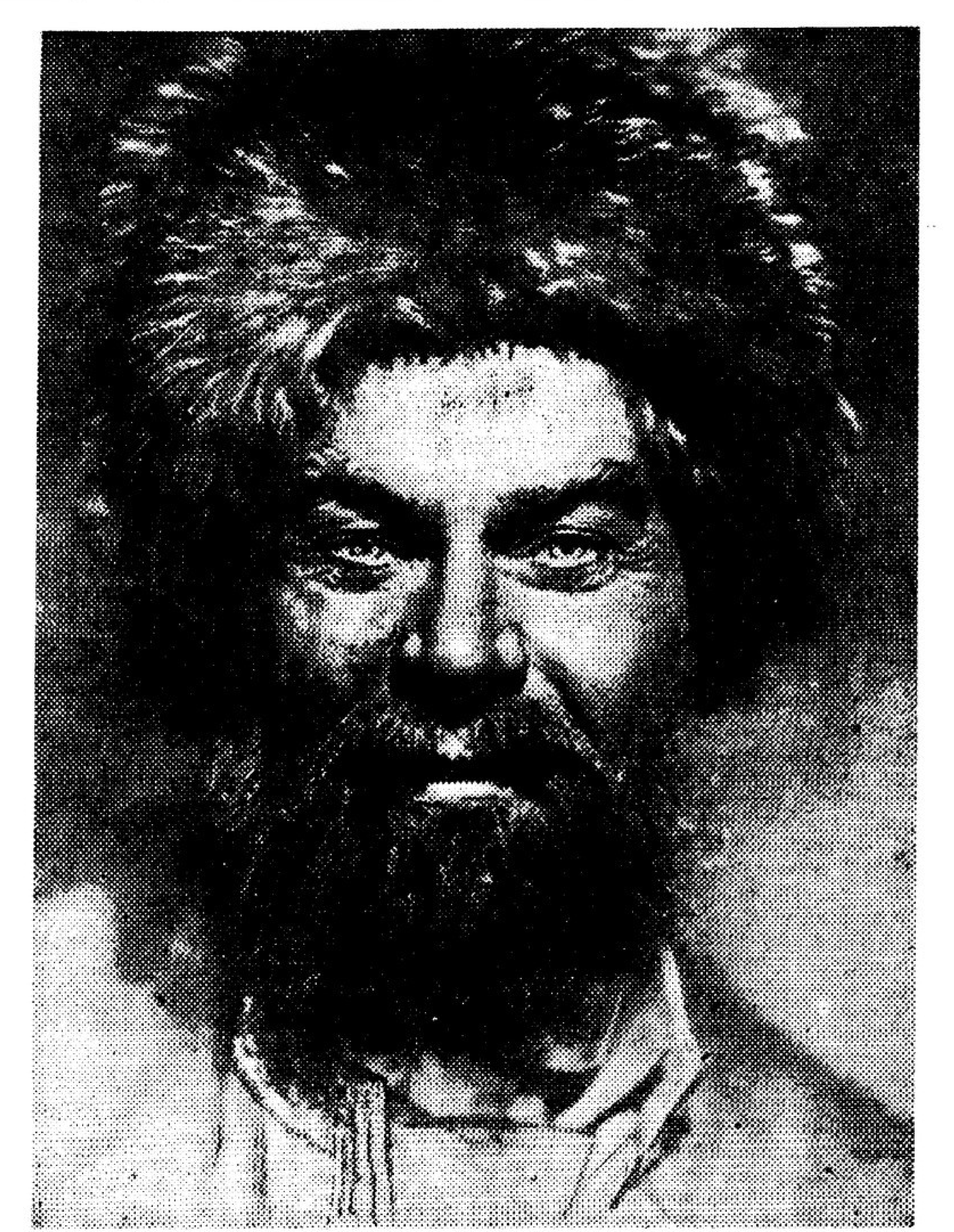
Секретариат решил в ближайшие дни созвать **общемосковское собрание писателей, посвященное обсуждению вопросов подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР.**

Беспечный редактор

Многотиражка завода «Серп и молот» — «Мартеновка» допустила в номере от 10 сентября **серьезную политическую ошибку.**

Давая в номере специальную страницу о творчестве Шота Руставели, «Мартеновка» не нашла ничего лучшего, как использовать для передовой статьи о гениальном поэте выступление злостного врага народа.

За последнее время на страницах советской печати появилось достаточно много интересных материалов о творчестве Руставели. Что же толкнуло редактора «Мартеновки» т. Ю. Ильина к писаниям подлого двурушника, троцкистского предателя, гнусного наймита фашистов?

Кадр из фильма «Пугачев». Заслуженный артист республики **К. В. Скоробогатов** в роли **Пугачева.** (Производство киностудии «Ленфильм». Сценарий — О. Форш. Режиссер — П. Петров-Бытов) (Союзфото)

У карельских писателей

Три дня в карельском ССП шло собрание, посвященное разоблачению вредительской работы великофинских шовинистов и буржуазных националистов в карельской литературе.

Засевший в обкоме партии враг народа Хюппенен имел своих ставленников — буржуазного националиста и троцкиста Хело-Гуттари и Сергеева, возглавлявшего партийную организацию ССП.

Они занимались созданием антисоветских группировок из националистов-писателей, связанных с троцкистами и националистами, выступали против создания карельского литературного языка и карельской советской литературы.

Идейным вдохновителем их был ныне разоблаченный буржуазный националист критик Урхо Руханен. В своих литературоведческих работах он ориентировал писателей и всю карельскую общественность на буржуазную культуру фашистской Финляндии; основоположником советской литературы на финском языке он называл политически и морально разложившегося Сантери Мякеля, а представителем современной пролетарской финской литературы — фашиста Ойнонен. Махровый националист Оскар Иогансон и другие в своих произведениях восхваляли лакеев финской буржуазии, финскую социал-демократию, ныне разоблаченных врагов народа, пропагандировали национальную ограниченность и отрыв от Советского Союза и провоцировали национальную рознь.

ССП Карелии исключил из союза, как буржуазных националистов, Л. Хело-Гуттари, Ухро Руханена, Оскара Иогансона, Хильду Тихля. Кроме того, из ССП еще летом исключены, как буржуазные националисты, писатели Эмиль Виртанен и Эмиль Раутидинен.

Собрание карельских писателей признало, что руководство ССП и писательская организация в целом, засоренная националистами, оказались на поводу у буржуазных националистов и врагов народа, пытавшихся использовать союз писателей в своих гнусных целях.

Писательской организации Карелии предстоит большая работа по дальнейшему выкорчевыванию остатков буржуазного национализма в карельской литературе и по ликвидации последствий шпионско-вредительской работы.

ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН.

ПЕТРОЗАВОДСК. (**По телеграфу**)

Первая встреча

16 сентября в ССП состоялась встреча руководства Гослитиздата с работниками книжного прилавка и библиотек.

Целью встречи было, как сообщалось в повестке, обсуждение проекта плана издания художественной литературы в 1938 году. Осуществляя такое полезное начинание, Гослитиздат не сумел, однако, освободиться от своей бюрократической инерции. Людей-то пригласили — даже и с периферии, — а вот разослать им предварительно проекты плана не удосужились.

Кто-то решил, что достаточно будет т. Накорякову скороговоркой зачитать план, и языки развяжутся, обсуждение примет развернутый характер.

Расчеты эти не оправдались. Немногие приняли участие в прениях, да и те вынуждены были скомкать свои выступления, так как трудно дать обстоятельную оценку планам, о которых приходится судить «на слух».

Одним из основных недостатков, по общему мнению, является очевидное стремление Гослитиздата к расширению ассортимента за счет тиражей выпускаемой продукции. Такая практика ничего, кроме раздражения, у читательской массы не вызывает. Не целесообразнее ли было бы уменьшить количество названий, повременить с выпуском книг, спрос на которые не так уж велик, а то и вовсе отсутствует, и повысить тиражи изданий, в которых ощущается острая нужда?

Так ли уж необходимо, спрашивает представитель библиотечного коллектора, переиздавать «Дорогу на океан» Леонова, книгу, которая неподвижно стоит на полках? Стоит ли повторять четвертым изданием такую вещь, как «Наследник» Славина или «Русь» Пантелеймона Романова?

Особенно недопустим **параллелизм,** существующий в работе издательств. Нередко и Гослитиздат и «Советский писатель» выпускают одни и те же книги, художественное значение которых весьма сомнительно.

В результате, — жалуются библиотечные работники, — получается «перепроизводство» стихов, но мало подлинной поэзии. В то же время нет массового, общедоступного издания Маяковского. Выпущенные до сих пор издания великого поэта революции далеко не всегда по карману рядовому читателю.

Все выступавшие отмечали чрезмерное увлечение Гослитиздата «полными собраниями сочинений»; гораздо уместнее было бы выпустить большими тиражами отдельные, **основные** произведения классиков. Ведь в этом смысле приходится констатировать настоящий кризис, особенно остро переживаемый школьным читателем. Последний не может найти в книжных магазинах таких произведений, как «Горе от ума», «Обломов», «Ревизор» и т. п.

Совершенно игнорирует Гослитиздат интересы малограмотного читателя. Если для него и выпускаются дешевые книжки, то на такой бумаге и в таком отвратительном оформлении, что их никому и в руки брать не хочется.

Пора покончить с такой практикой, свидетельствующей о неуважении издательских работников к огромному контингенту начинающих читателей. Точно так же необходимо ликвидировать и ряд иных «гихловских» традиций, например, растягивание выпуска «полных собраний сочинений» на долгие годы. Помимо всего, такая система работы приводит к тому, что многим покупателям не удается приобрести все произведения того или иного классика.

Следует надеяться, что руководство Гослитиздата сумеет извлечь из указаний библиотекарей и работников книжного прилавка немало полезного для себя.

Т. МАР

Литературная жизнь на московских заводах

С 1 сентября по 25 октября на заводе «Динамо» им. Кирова проводится **конкурс на лучшее стихотворение, рассказ, очерк или критическую статью.** Конкурс должен выявить к XX годовщине Великой Пролетарской революции литературные силы завода, показать культурный рост рабочих. Для авторов лучших произведений установлено три премии — в **500, 300 и 200** рублей.

Служащий В. Позлевич работает над очерком о рабочих завода «Динамо», погибших в революционных боях. Рабочий литейного цеха М. Новиков пишет критическую статью о четырех книгах «Брусков» Панферова.

В цехах завода решено провести 35 бесед на тему «20 лет пролетарской литературы» и 50 художественных читок.

В библиотеке устраивается большая выставка литературы, на которой будут представлены лучшие книги советских писателей. В помощь пропагандистам библиотека завода составляет списки художественной литературы.

В дни двадцатилетия Великой Пролетарской революции на заводе будет проведен большой литературный вечер.

★

В библиотеке завода «Серп и молот» ведется большая работа по изучению истории литературы. Здесь на прилавке лежат рекомендательные списки по истории западноевропейской и русской литературы.

Браковщица сталепроволочного цеха Е. Игнатьева, кончающая заводский металлургический техникум, прочла в этом году «Отелло», «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера, «Фауст» Гете, «Госпожа Бовари» Флобера, «Красное и черное», «Пармский монастырь» Стендаля, «Евгения Грандэ» Бальзака, «Деньги», «Западня» Э. Золя, «Домби и сын» Диккенса, «Жан Кристоф» и «Очарованная душа» Ромэн Роллана и др.

Монтер прокатного цеха С. Резниченко интересуется главным образом современной испанской литературой.

Большой любовью среди рабочих-читателей пользуются произведения М. Горького. Моторист пароводного цеха П. Бугров, читая книги русских классиков, остановился на изучении творчества Горького. За 1936—1937 г. он прочел около 20 томов произведений великого пролетарского писателя.

Обдувальщик фасоннолитейного цеха А. Лушко также изучает творчество М. Горького. За последние три месяца он прочел несколько томов его произведений.

Заводский литературный кружок собирает старые и новые песни рабочих, которые дадут яркую картину великих достижений Пролетарской революции. Заводский ТРАМ ставит пьесу «Сталевары», написанную по материалам завода «Серп и молот».

Покровитель врагов

Удмуртская комсомольская газета «Егит большевик» еще в июне этого года сообщала, что уполномоченный Литфонда СССР по Удмуртии А. С. Бутолин на все четыре стороны разбазаривает деньги, выделенные для помощи удмуртским писателям. Однако своевременный сигнал газеты так и остался «гласом вопиющего в пустыне».

Отчет за первое полугодие, присланный уполномоченным в правление Литфонда, был тихо и мирно подшит в папку, между тем как в этом «отчете» есть весьма подозрительные цифры, нуждающиеся в немедленной проверке.

Из докладной записки, приложенной к отчету, мы узнаем, что Бутолин выдал «писателю» Г. Медведеву возвратную ссуду в 5000 р. на постройку дома. Спустя некоторое время Медведев был разоблачен как от'явленный троцкист. Не долго думая, уполномоченный спешит заверить Литфонд в том, что дом, построенный Медведеву, через суд будет передан союзу писателей Удмуртии.

Этому же Медведеву выдавались также и безвозвратные ссуды. Щедрость, с которой А. С. Бутолин отпускал деньги врагу народа, поистине велика, ибо на всех удмуртских писателей в этом году было всего отпущено Литфондом 12000 рублей.

Игнорируя нужды настоящих писателей Удмуртии, Бутолин раздавал деньги окололитературным молодчикам, которые за полтора года выцарапали у него около 8000 рублей, в то время как члены и кандидаты союза получили только четыре с половиной тысячи.

Некий И. Кропотин, исполняющий при уполномоченном роль счетовода, взял ссуду в 1575 рублей, хотя в союзе писателей он не состоит и творческое лицо его никому неведомо.

Свои антисоветские поступки А. С. Бутолин пытается оправдать в той же докладной записке. Возвращая в Литфонд часть неиспользованных путевок на курорты, он заявляет, что в Удмуртии «писателей советских, достойных получения путевок, оказалось меньше, чем мы раньше думали».

Это явная клевета. По мнению уполномоченного, в Удмуртии имеется всего только три писателя, достойных награждения бесплатными путевками. (Из пяти реализованных им путевок две попали в руки лицам, не состоящим в союзе).

«Критикуя» свою работу, Бутолин признает, что он сделал большое упущение, не израсходовав ни копейки на улучшение быта детей писателей.

Но кто такой сам Бутолин? Его покровительство врагам народа и сомнительным личностям наводит на серьезные размышления.

В. ТИТ.

Ансамбль авиационной песни

При клубе имени Менжинского по инициативе ЦК союза работников авиапромышленности организован **ансамбль авиационной песни.** В него входят рабочие и служащие московских авиационных заводов, а также летчики.

В издательствах страны

★ Роман Кущевского **«Николай Негорев»** выходит в Западносибирском издательстве. Автор романа — дореволюционный писатель, большой знаток сибирской природы и быта северных народов. В прошлом «Николай Негорев» имел шумный успех. Сейчас эта книга стала библиографической редкостью.

★ Иркутское издательство выпускает серию книг **для начинающего читателя.** Уже изданы: «Сказки» Салтыкова-Щедрина, «Муму» И. С. Тургенева, «Сибирские рассказы» В. Короленко, «Холстомер» Л. Толстого, «Стихи и песни» А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Некрасова. Печатается «9 января» М. Горького.

Книги изданы большим форматом, шрифт крупный.

★ Роман Николая Островского **«Рожденные бурей»** выпущен массовыми тиражами в Ярославском, Омском, Северном, Дальневосточном и других краевых и областных издательствах.

Сотни читателей шлют в эти издательства письма с просьбой переиздать роман «Как закалялась сталь».

25 сентября — заседание президиума ССП

25 сентября состоится очередное заседание президиума правления союза советских писателей совместно с активом. На повестке дня: доклад секции поэтов о песенном жанре; доклад о работе Вечернего литературного института и содоклад ревизионной комиссии союза, обследовавшей институт; информация иностранной комиссии союза о ее работе.

Кроме того, на заседании президиума состоится прием новых членов и кандидатов союза по Москве и Ленинграду.

На это заседание президиума с периферии вызываются представители организаций Украины, Белоруссии, Удмуртии, Калмыкии и немцев Поволжья.

ИЗВЕЩЕНИЕ

21 сентября в 17 час. в союзе советских писателей состоится заседание секции критиков.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—20017. Типография газ. «Индустрия». Москва. Цветной бульвар 30.